

**The Center for the Study of Slavic Languages and Literatures
at the Hebrew University of Jerusalem**

REPRINTED FROM

SLAVICA HIEROSOLYMITANA

SLAVIC STUDIES OF THE HEBREW UNIVERSITY

VOLUME V-VI

Edited by L. Fleishman, O. Ronen, and D. Segal

THE MAGNES PRESS • THE HEBREW UNIVERSITY • JERUSALEM

1981

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1910-х ГОДОВ
ПИСЬМА Н. В. НЕДОБРОВО К Б. В. АНРЕПУ

Публикация Г. П. Струве
Berkeley

Печатаемые ниже 30 писем Николая Владимировича Недоброво (1884—1919) к Борису Васильевичу Анрепу (1882—1969) были получены мною после Второй мировой войны от Б. В. Анрепа, с которым я познакомился в 1941 году и вскоре близко подружился. Тогда же он подарил мне рукописный альбом стихотворений Недоброво, в котором первые стихотворения относятся к 1903—04 гг., а последние написаны в 1912 или 1913 гг. Даря мне и то и другое, Анреп завещал мне напечатать и письма, и стихи своего друга. И он, и я надеялись, что первую из этих задач мне удастся осуществить еще при его жизни. Но все мои попытки найти издателя для писем Недоброво до сих пор не увенчивались успехом. Когда после смерти Ахматовой, еще в 1967 или 1968 г., решено было выпустить третий том ее сочинений в издании Международного Литературного Содружества, я решил просить Б. В. Анрепа записать его воспоминания о Недоброво и о знакомстве с Ахматовой, с которой Недоброво его познакомил в 1914 г. Я хотел включить эти его воспоминания в наш третий том, а в своем комментарии к ним процитировать относившиеся к Ахматовой выдержки из писем Недоброво. Анреп исполнил эту мою просьбу, а несколько позднее, по собственному почину, прислал мне составленную им "Записку" о своих отношениях с Ахматовой, о которых раньше не рассказывал мне никаких подробностей. Эту "Записку" он, по одному стихотворению Ахматовой, озаглавил "Сказка о черном кольце" и завещал мне опубликовать ее только после его смерти. И эта "Записка", и воспоминания Анрепа о дружбе с Недоброво, с моими комментариями, будут опубликованы в давно уже готовящемся, но до сих пор еще окончательно не готовом третьем томе "Сочинений" Ахматовой, который имеет теперь выйти в издательстве YMCA-Press в Париже. К этому тому я и отсылаю поэтому читателей и для более подробных сведений о Недоброво и об Анрепе, и для рассказа об их отношениях с Ахматовой, из-за которой преждевременно прервалась их давняя дружба, чем отчасти (правда, только отчасти) объясняется то, что и переписке их был положен конец уже в 1914 г. Здесь же я дам только совсем короткую справку о них.

Анреп и Недоброво познакомились в 1899 г., когда отец Анрепа был назначен попечителем Харьковского учебного округа, а сын из петербургской гимназии перешел в третью харьковскую, и он и Недоброво стали одноклас-

сниками. Анреп проучился в Харькове в 6-м и 7-м классах, после чего уехал назад в Петербург, куда его отец был переведен тоже на должность попечителя учебного округа. Дружба между Борисом Анрепом и Недоброво возобновилась после того, как Анреп вернулся из Англии, куда послали его родители, и поступил в Училище Правоведения, а Недоброво приехал, чтобы учиться на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. Дружба не только возобновилась, но и укрепилась — отчасти на почве общих литературных интересов: они оба писали стихи и оба интересовались литературой. К тому же в Петербурге Недоброво стал бывать и у Анрепа в на дому и познакомился со многими друзьями семьи. Отношение родителей Анрепа к нему было самое хорошее.

Дружба продолжалась и после того, как Анреп, по наущению художника Стеллецкого, с которым его познакомил тот же Недоброво, уехал за границу, поселился в Париже и стал учиться живописи (впоследствии он сделался международно известным художником-мозаистом). На годы 1911–1914 падает оживленная переписка между Недоброво и его другом. Если существовали более ранние письма Недоброво к Анрепу, они у последнего не сохранились. Письма Анрепа к Недоброво за те же годы (как и более ранние) могли сохраниться в бумагах Недоброво, но после 1914 года их могло быть только очень немного: в 1914 г., когда началась война, Анреп был призван как прапорщик запаса и приехал в Россию. В 1915–16 гг. он и Недоброво встречались в Петербурге и в Царском Селе, когда Анреп приезжал с фронта.

Недоброво по окончании университета поступил — по-видимому, не без содействия отца Анрепа (который в 1907 г. был избран в Государственную Думу) — в канцелярию Думы, где его сослуживцем был поэт Александр Кондратьев (1876–1967), напечатавший в одной из русских зарубежных провинциальных газет свои воспоминания о нем. Вместе с тем, Недоброво довольно скоро приобрел в Петербурге известность как литературный и художественный критик, теоретик стиха и поэт. Одной из первых его литературно-критических работ, обративших на себя внимание, была статья о Фете, напечатанная под названием "Времеборец Фет" в 1910 г. в "Вестнике Европы". Он принял близкое участие в созданном Вячеславом Ивановым Обществе Ревнителей художественного слова, стал сотрудником "Аполлона", где печатал заметки об искусстве и рецензии на художественные издания, сотрудничал в журнале "Труды и Дни", а позднее в таких "толстых" журналах, как "Русская Мысль" и "Северные Записки", где печатал стихи и статьи (а в "Русской Мысли" был напечатан и один рассказ). Из литературно-критических статей Недоброво наибольшую известность приобрела его статья о творчестве Анны Ахматовой, написанная весной 1914 г. по поводу "Четок", но задержанная печатанием до лета 1915 г. из-за преимуществ, отдававшегося тогда статьям, связанным с войной. Статья эта появилась в июньской книге "Русской Мысли" за 1915 год. Даря в 1964 г. машинописную копию этой статьи одной своей новой знакомой (об этой знакомой, В. А. Знаменской, см. в примечаниях к письмам), Ахматова надписала на ней: "Милой Вере — лучшее, что написано о молодой Ахматовой". А летом следующего года, в Париже, в беседе с Н. А. Струве (см. эту беседу, "Восемь часов с Анной Ахматовой", во втором томе зарубежного издания сочинений Ахматовой) Ахматова по-

Б. В. Анреп и В. Н. Недоброво

В. Н. Недоброво

шла еще дальше, противопоставив эту статью появившейся в 1964 г. в "Новом Мире" заметке о ее поэзии А.Д.Синявского: "Он [Синявский] знал всю мою поэзию, но так и не понял, а вот Н.В.Недоброво знал только первые две мои книжки, а понял меня насквозь, ответил заранее всем моим критикам, до Жданова включительно. Его статья, напечатанная в одной из книжек "Русской Мысли" за 1915 год, лучшее, что обо мне было написано...". Здесь она говорила уже не о "молодой Ахматовой", а о себе вообще. Статья Недоброво, удостоившаяся такого отзыва самой Ахматовой, будет перепечатана в уже упомянутом третьем томе ее сочинений. Есть сейчас надежда и на то, что удастся собрать и издать все стихотворное наследие Недоброво.

В заключение хочу привести "портрет" Недоброво из статьи хорошо его знавшей Ю.Л.Сазновой-Слонимской. Эта статья была напечатана в том же номере зарубежной "Русской мысли", что и посмертная публикация трагедии Недоброво "Юдифь" (1923, кн. VI—VIII):

Николай Владимирович Недоброво был чрезвычайно тонок, с узкими, чуть покачатыми плечами и поднятой на высокой крепкой шее узкой головой. В его внешнем облике, прежде всего, запоминались руки с узкой, нежно-розоватой длинной кистью, с тонкими нежными пальцами — руки редкой красоты и выразительности. И запоминался ослепительный фарфоровый блеск его кожи, поразительно сочетавшейся с резкими очертаниями его мужественного лица. Решительный нос с горбиной, два крыла широких "соболиных" бровей над продолговатой узостью длинных глаз, почти спрятанных в тихое время и вдруг расширявшихся в открытое голубое сияние: редкий человек мог вынести это голубое сверкание, и часто спорщик отступал не перед логическими доводами Николая Владимировича, а перед внезапно раскрывшимся синим блеском его глаз. В гневе глаза становились большими и синими, с черным огнем в середине, блистали прямо на слушника, — и всегда в этом гневном блистании чувствовалась правда возмущенного духа.

В лице его бывал и тихий блеск: при изгибе узких ярких губ блистали "жемчужными" переживаниями ровные белые зубы. Губы были самой резкой и самой изменчивой чертой в лице. Когда они сжимались, опуская углы книзу, общение невольно прекращалось; но те же неприязненные сухие губы, раздвинутые длинной улыбкой, становились детски приветливыми, радостными. Иногда углы приподнимались, и опускалась середина, создавая странный узор — это при стараниях уловить собеседника в петлю своих умозаключений.

Тонкость, узкость линий была основным признаком внешнего очерка Николая Владимировича, нежность и блистание были основой его красок. Тонкость линий почти неестественная, в сочетании с прозрачностью красок почти женственной, создавали общее впечатление хрупкости. "Перламутровый мальчик", звали его в интимном кругу в пору его студенчества. "Он фарфоровый", пугались друзья потом, когда видели узкий очерк застенчиво улыбавшегося Николая Владимировича среди реальных "трехмерных" фигур остальных собравшихся. Особенности внешнего облика отличали его сразу: нельзя было пропустить, не заметить. Люди, выдавшие его мельком где-нибудь в людном месте, с полной точностью вспоминали его через много лет.

К этому добавлялось ощущение несовременности: "у него лицо Чаадаева", "он совсем из сороковых годов". Такой тонкий, хрупкий, что, кажется, всякий может его обидеть — но вот, оказывается, он очень силен, и узкое тело его напряжено крепкими мускулами. Такой нежный, "фарфоровый", что кажется, всякий может его обидеть — но вот, оказывается, годы болезни и несчастий не изменили его: все тем же перламутром блистало лицо его за несколько дней до смерти, и так же безупречны были линии узких рук, когда они уже держали кипарисовый крест с обвивавшей его белой розой.

27.IX.10 Спб. Кавалергардская 20

Дорогой мой Борис Васильевич!

Десять дней назад я получил Твое письмо на имя Любови Александровны и препроводил его к ней, за границу, где она пока осталась. Я проживаю здесь в одиночестве и было бы очень хорошо, если бы Ты написал мне что-нибудь о себе, о Юнии Павловне, о твоих занятиях и достижениях — это скрасило бы мое уединение. Жаль, что мы не могли списаться летом и встретиться, как собирались. Впрочем, сколько я понял из разговоров на Лиговке и на Озерном, Ты кажется жил на берегу океана и, повидимому, в Мюнхен не ездил. Что ты делал в области поэзии? — занятия же твои в области рисования мне более или менее известны.

У Девель встретился со Стеллецким — без изменения.

Летом я усерднейшим образом лечился, и не без пользы, хотя, надо сказать, все наше лето было спутано тем, что ровно в назначенный день нашего отъезда скончалась бабушка Любови Александровны. Мы, вследствие этого, задержались в городе недели на две и, в заключение, времени у нас было настолько вобрез, что кроме лечебных мест мы нигде не были. Только в Мюнхене оставались три дня, но это так мало! За эти дни успели увидеть более или менее толково только старую пинакотеку, которая глубоко запоминается. Новая, при беглом осмотре, — дребедень: Пилоти, Каульбах — это все тоже что Медный Змий Бруни или Фрина Семирадского. Есть там даже 2 настоящих Рубо, знаешь, профессор батальной живописи с Спб.? Работал довольно много: написал третье, четвертое и начало пятого действия Юдифи, а также и одно лирическое стихотворение; поправлял "Душу в маске", обрабатывал несколько старых стихотворных набросков и перерабатывал некоторые из прежних вещей, в том числе внес несколько изменений и в обращенное к Тебе стихотворение: "Мы дружбу мерим уж годами". Всеми работами своими очень доволен. Много думал также и над разработкою ритма. Придумывал кой-что для следующей трагедии "Белый клубок".

Мой привет Юнии Павловне.

Весь твой Н. В. Недоброво

Любовь Александровна — ур. Ольхина (188?—1924), жена Н. В. Недоброво. Скончалась от чахотки в Сан-Ремо и погребена на католическом кладбище там. На могиле памятник с ее именем и словами из Евангелия: "Больше сея любви никтоже иметь да кто душу свою положит за други своя". На памятнике высечена сломанная лилия.

Юния Павловна — ур. Хитрово (1880—1973), первая жена Б. В. Анрепа. Скончалась в Филадельфии, по-видимому, в феврале 1973 г. В нью-йоркском "Новом Русском Слове" от 14 февраля этого года был напечатан некролог ее за подписью "Друзья". В отличие от своего мужа — и, кажется, от отца его в последние годы жизни — она до конца своих дней пользовалась частицей "фон". Отец ее был сподвижником гр. С. Ю. Витте в деле железнодорожного строительства в России. Одна из станций Великого Сибирского пути была в ее честь названа Юнино. Окончив в Петербурге гимназию Стоюниной, Ю. П., по словам авторов некролога, уже после Первой мировой войны прошла в Лондоне курс английского языка и литературы, а потом какое-то время довольно долго преподавала английский язык в Варшаве в колледже, учрежденном американцами. Охлаждение между Ю. П. и ее мужем началось еще раньше, но разошлись они, по-видимому, после войны. Н. В. Недоброво посвятил ей стихотворение под названием "Триолеты о любви". Ей было также посвящено стихотворение Анны Ахматовой, написанное в Севастополе в 1916 г., когда Ю. П. жила, по-видимому, в Крыму. Стихотворение это начиналось строкой: "Судьба ли так моя переменилась...". В связи с некрологом Ю. П. Анреп мною была напечатана в

"Новом Русском Слове" от 16 марта 1973 г. заметка под заглавием "К кончине Ю. П. фон Анреп", в которой были воспроизведены и стихотворение Недоброво и стихотворение Ахматовой.

На Лиговке и на Озерном — на углу Лиговки и Озерного переулкa жили в собственном доме родители Б. В. Анрепа.

Стеллецкий, Дмитрий Семенович (1875—1946) — скульптор, живописец, график и театральный декоратор, примыкавший к "Миру Искусства". Под его влиянием Анреп, по его собственным словам, отказался от открывавшейся перед ним научной карьеры, уехал за границу и стал художником. До революции Стеллецкий был особенно известен своими иллюстрациями к "Слову о полку Игореве", а также декорациями и костюмами к постановке "Царя Федора Иоанновича" в Московском Художественном Театре. После 1914 года он в Россию уже не возвращался, умер в Париже. Главным трудом его в эмиграции была роспись храма Сергиевского Подворья на rue de Stimée в Париже. См. о Д. С. Стелецком в кн.: С. Маковский. *На Парнасе "Серебряного века"*. Мюнхен, 1962.

Девель — сестры Нина и Татьяна Модестовны, дочери полковника Девель, близкие друзья семьи Анрепов. Их отец умер, когда дочери были еще детьми. Мать была еще до революции убита разбойниками на даче у Спасской платформы на Московско-Ярославской железной дороге, во главе которой стоял отец жены Анрепа. Сестры Девель жили в квартире в принадлежавшем Анрепам доме на Лиговке. Нина Модестовна умерла от сыпного тифа во время революции в Ростове-на-Дону. Татьяна Модестовна продолжала жить в квартире на Лиговке. Интересовалась живописью и поэзией и работала в Археологическом Институте. На одно ее устное сообщение в 1972 году о Недоброве ссылается Р. Д. Тименчик в статье "Ахматова и Пушкин. Заметки к теме" (*Ученые записки Латвийского Государственного университета имени Петра Стучки*, т. 215. *Пушкинский сборник*. Выпуск 2, Рига, 1975, стр. 52).

"Белый клубок" — насколько мог припомнить Б. В. Анреп, трагедия эта осталась недописанной.

"Душа в маске" — напечатано в "Русской Мысли" (1914, I, стр. 78—93) с подзаголовком "Повесть".

"Юдифь" — эта трагедия в стихах была напечатана уже посмертно в зарубежной "Русской Мысли" (1923, VI—VIII, стр. 8—61). В том же номере (стр. 288—301) была напечатана статья о Недоброве Ю. Л. Сазоновой-Слонимской (1887—1960) с подзаголовком "Опыт портрета". Статья была датирована "Сан-Ремо, 1923 г." — Ю. Л. Сазонова жила там тогда с Л. А. Недоброво. В примечании к этой статье редактор журнала П. Б. Струве писал: "Я с душевным удовлетворением помещаю *"Юдифь"*, посмертное произведение Н. В. Недоброво, который был всегда желанным сотрудником 'Русской Мысли', и любовно написанный Ю. Л. Сазоновой-Слонимской его портрет. Личность Н. В. Недоброво даже для тех, кто не бывал с ним лично близок, была отмечена внутренней значительностью и глубиной". (Текст "Юдифи" был получен "Русской Мыслью" от Л. А. Недоброво через Сазонову-Слонимскую.)

2

12/25.X.10 Кавалергардская 20

Дорогой мой друг Борис Васильевич!

Неделю тому назад Татьяна Модестовна передала мне твою поэму, а на другой день получилось и Твое письмо. И поэма и письмо оставались некоторое время без отклика, потому что время мое наполнено многою суетою, а писать тебе мне хотелось бы в тиши.

Теперь я случайно попал в такую полосу. "Ода" — хороша: источник твоего "мифотворческого" вдохновения не иссякает, но чем дальше течет, тем больше выносит из самых недр всякой самоцветной прелести. Читая и перечитывая "Оду", я пленялся верной

простотой и исключительной, почти ювелирной точностью тяжеловесных ударов. Ты ведь знаешь, что кустари делают тончайшие под час игрушки тем же топором, каким рубят дерево в лесу. Вот это и у тебя есть. В разных местах, читая "Оду", получаешь сильнейшие эмоциональные толчки, прямо физически ощущаемые: таково редкое по благородству воспоминание о Данте, такова строка: "тогда же люди еще не умели летать". "Еще не умели" — эта оговорка [—] самая пышная ода, какой удостоилось летание от искусства, а пышность оды освещает всю вещь — ты понимаешь в чем дело. Таким же толчком является и воспоминание о птице предидущей поэмы "потому что она поет и летает".

Самым, однако, трудным в твоей задаче было очувствовать основы современного научного мировоззрения. Не надо говорить, что X глава в этом отношении очень удалась — в этом ведь отчасти и след твоей — помнишь? — дружбы с японцем. В XXI главе объяснение старца кажется мне слишком профессорским — может быть так и нужно. XXXIV глава, которую Татьяна Модестовна любит повторять, полна ритма самого возвышенного.

Очень нравится мне и начало, это подражание "Божественной Комедии" — в нем ярче чем где-нибудь в "Оде" все видно и слышно. Однако есть и опасность: Бог ушел — читай: настал век безверия, и как следствие — игры и пляс, прелестницы — склонность материализма к преувеличению значения видимого мира, приводящее к растрате членов. Я оставляю за собою право делать, в дальнейших письмах, детальные замечания на оду: теперь лишь 2. Я бы возражал против выражения: "без колес и без дышла" — если представить глазами <?>, слишком вспоминается праведный муж Мардарий, о котором любил повествовать Боровитинов. Второе по поводу формы "обрях" от обречь. Не знаю, удобен ли этот сигматический аорист однозвучный с "обрях" от обрывать. Не уверен даже, чтобы такая форма вообще когда-либо употреблялась.

Любовь Александровна придет лишь в конце месяца. Мой сердечный привет Юнии Павловне, и поцелуй рук. Пиши мне.

Твой Недоброво

"Ода" — когда я запросил Анрепа, о каком произведении его идет здесь речь, его ответ мне — в письме без даты, от конца 1961 г. — гласил: "Моя 'Ода' была напечатана в отдельном сборнике, который был издан Е. Г. Лисенковым; в том же сборнике были стихи Анненкова [явная описка, вместо Анненского — Г. С.], Ахматовой и других. Моя 'Ода' была дрянн". Анреп, разумеется, имел в виду выпущенный в 1916 г. стараниями Е. Г. Лисенкова и Недоброво "Альманах Муз" (Петроград, книгоиздательство "Фелана"). В этом альманахе действительно было напечатано посмертно одно стихотворение Иннокентия Анненского, а также стихи Ахматовой, Брюсова, Гумилева, Вячеслава Иванова, Кузмина, самих Недоброво и Лисенкова и еще многих других. Все авторы были напечатаны в алфавитном порядке, и таким образом на первом месте после Анненского (и перед Ахматовой) оказалось произведение Анрепа под названием "Человек" с подзаголовком "Поэма". Между прочим, одну несколько раз повторяющуюся строку из этой поэмы ("Я пою и лес зеленет") Ахматова вскоре взяла как эпиграф к своим "Эпическим мотивам", состоящим, как известно, из трех отрывков, из которых первый ("В то время я гостила на земле") был напечатан еще в "Четках". Эпиграф, однако, с инициалами автора (Б. А.) появился впервые в "Беге времени" (1965), а инициалы автора его были впервые раскрыты в примечании во втором зарубежном издании первого тома "Сочинений" Ахматовой под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова (1967). Теперь они раскрыты и в издании "Библиотека поэта" (Большая серия) (1976). Но "Человек" вовсе не та "Ода", о которой пишет и которую разбирает и в этом и в следующем письме Недоброво; и с "Одой" эта поэма не имеет ничего общего. Но возможно, что Анреп тогда прислал и "поэму", и "Оду", и потому Недоброво говорит

об обеих. Об "Оде" Анреп, очевидно, уже не помнил, а я, получив от него ответ, дальше тогда в этот вопрос не углублялся, о чем сейчас могу только жалеть. Из текста Недоброво для меня совершенно ясно теперь, что речь идет о произведении Анрепа, которое, если оно и было написано по-русски, в русском своем тексте никогда не печаталось и мне неизвестно. Оно было напечатано по-английски в лондонском литературном журнале *Poetry and Drama* (№ 3, сентябрь 1913 г., стр. 275–290) и носило странное название: "Foreword to the Book of Anrep" ("Предисловие к книге Анрепа"). Напечатано оно было настолько странно и необычно, что редакция сочла необходимым сделать в предшествовавших разделу "Стихи" редакционных примечаниях ("Notes and Announcements", стр. 272) следующее предупреждение: "Мы печатаем поэму, озаглавленную *Предисловие к книге Анрепа* и на этот раз отступаем от наших обычных принципов, подавая ее в декоративном обрамлении. Делается это по нарочитому желанию автора, который хочет сохранить при воспроизведении своей вещи единство идеи, литературное и пластическое, присущее ее замыслу. Мы сами считаем поэму самоудовлетворяющим единством, и для нас естественным было бы преподнести ее без типографских или истолковательных украшений. Автор, однако, неумолим, и, дабы не упускать возможности представить его произведение нашим читателям, мы решили удовлетворить его желание". Вся поэма была напечатана особым шрифтом, и текст ее перемежался графическими украшениями, принадлежавшими, надо полагать, самому Анрепу.

Английский текст не разбит на "главы", о которых говорит Недоброво (а в "Человеке" глав всего десять, а не свыше тридцати). Поэма состоит из неравных "кусков", между которыми белые промежутки: иногда кусок состоит из одного абзаца, иногда из двух, иногда, может быть (при переходе с одной страницы на другую) из трех. На "абзац" приходится иногда один рисунок, иногда два. Вопрос о существовании русского текста остается не совсем ясным. Замечания, которые в своих двух письмах делает по поводу этой вещи Анрепа Недоброво, позволяют установить, вне всякого сомнения, что речь идет именно об этой "поэме". Мы находим в ней и ссылку на Данте, и цитируемые Недоброво фразы: "Тогда же люди еще не умели летать" (in those days men could not fly) и "без колес и без дышла" (without wheels or shaft), равно как и строки, цитируемые в следующем письме. Цитате о "холодных тучах", например, в точности соответствует следующее место в английском тексте поэмы: "Cold clouds like black slugs drag my hair with the slime". Надо, думается, предположить, что в 1910 г. Анреп прислал своим друзьям в Петербурге написанную им по-русски поэму, которая была потом переведена (им же самим, вероятно) на английский язык и напечатана три года спустя. Недоброво называет произведение Анрепа "Одой", и возможно, что так оно по-русски первоначально и называлось. Недоброво приводит все цитаты по-русски. Анреп как-то говорил мне, что Недоброво английского языка не знал (в Харькове во всяком случае). Об этом он упоминает и в своих воспоминаниях о нем, которые будут напечатаны в третьем томе нашего издания Ахматовой. Пожалуй, всего яснее о существовании русского текста поэмы свидетельствует то, что Недоброво говорит в следующем письме о фразе "взбивая колени" в главе, которую он называет третьей. За русский текст говорит и то, что Недоброво пишет в следующем письме об усвоении Анрепом языка житийной письменности. Все это, повторяю, склоняет меня к мысли, что Недоброво читал русский текст "Оды". Возможно, что он сохранился где-то в бумагах либо самого Недоброво, либо Т. М. Девель и будет когда-нибудь найден, если уже не найден теми, кто интересуется сейчас и занимается Недоброво. Я могу только пожалеть, что мне еще при жизни Анрепа не пришлось в голову допросить его об "Оде", но я должен сознаться, что только недавно ознакомился с "Поэмой", найдя ее среди моих анреповских бумаг, а потом в журнале *Poetry and Drama*. Не лишено интереса, что в этом высококвалифицированном журнале (в нем печатались самые известные тогдашние английские и американские поэты, включая поэта-лауре-

ата, Роберта Бриджес) и в том же самом номере, в котором была напечатана поэма Анрепа, сразу же после нее были помещены "Пять футуристических стихотворений" Ф. Т. Маринетти, Паоло Бушчи (который много лет сотрудничал в петербургском "Аполлоне", печатая в нем "Письма из Италии") и Альдо Палацески; а среди редакционных "Notes and Announcements", сразу после приведенного выше примечания к поэме Анрепа, мы читаем: "Накануне сдачи в печать — слишком, к сожалению, поздно, чтобы рассказать об этом в этом номере — редактор имел в Милане многочасовую беседу с синьором Маринетти. Вождь итальянского футуристического движения сказал о своем намерении посетить в будущем ноябре Англию в целях активной пропагандной кампании. Синьор Маринетти одно из своих первых публичных выступлений сделает в Книжной Лавке Поэзии, где он будет читать ряд новых собственных стихотворений". ("Книжной Лавкой Поэзии" — Poetry Bookshop — называлось издательство, которое выпускало журнал *Poetry and Drama*; при издательстве был книжный магазин, а также комнаты, в которых давался приют приезжавшим из провинции молодым поэтам. Во время войны было сообщено о приостановке журнала на год, но после 1914 года он уже больше не выходил.) В том же номере был напечатан и новый футуристический манифест Маринетти под названием "Беспроволочное воображение и слова на свободе". Перевод был сделан Арунделем дель Ре, с которым четыре года спустя познакомился в Лондоне Н. С. Гумилев (см. об этом в т. 4 вашингтонского издания "Сочинений" Гумилева, стр. 544—545). И еще в том же номере футуризму была посвящена "Французская летопись" поэта-имажиста и переводчика Ф. С. Флинта (Frank Stuart Flint, 1885—). В декабрьском номере появились две редакционные заметки о футуризме. Одна называлась "Происхождение футуризма", и в ней шла речь о ноябрьских выступлениях Маринетти в Лондоне. Говорилось о том, что последняя стадия в развитии футуризма нашла себе выражение в манифесте "Слова на свободе", а кончалась заметка так: "Во время своего визита синьор Маринетти продекламировал ряд своих собственных стихотворений, представляющих это новое орудие (medium). Нас восхищает его необыкновенная изобретательность; мы были зачарованы (enthralled) его декламацией; но мы не думаем, что его теперешние произведения достигают чего-либо большего, нежели передовая форма словесной фотографии". Вторая заметка называлась "Футуризм и мы", и смысл ее сводился к следующему: что вам пригоже, то нам негоже. "Латинский темперамент (писал журнал) не тот же, что наш, и его теперешний неистовый материализм не найдет себе прочной опоры здесь. С этой оговоркой мы приветствуем движение, от которого мы ждем первого шага в Италии в направлении той упорядоченной жизненности (ordered vitality), которая лежит равно в основе искусства и жизни". Отметим также, что, печатая поэму Анрепа, журнал ничего не сказал о том, кто он такой, и даже в оглавлении фамилия его была дана без имени. Правда, в литературных и художественных кругах в Англии Анреп к тому времени был уже хорошо известен. Здесь не место давать оценку поэме Анрепа, которую в общем так высоко оценил Недоброво. Может быть, ее следовало бы переиздать — и по-английски и, если будет найден русский текст, по-русски.

Боровитинов — товарищ Анрепа и Недоброво по харьковской гимназии, где Анреп учился в 6-м и 7-м классах, когда его отец был попечителем Харьковского учебного округа. Боровитинов, по словам Анрепа в письме ко мне, был "толстый парень, сын богатых родителей, любивший, главным образом, хорошо поесть. Во время завтрака в гимназию приходила баба с котлетами, икрой, пирожками, и Боровитинов съедал всего помножку". После гимназии Анреп никогда с ним не встречался и ничего о нем не знал.

Праведный Мардарий — Православная Церковь знает как будто двух святых Мардариев. Один из них жил в IV веке и принадлежал к т. н. "пяточисленным мученикам", пострадавшим при императоре Диоклетиане за то, что они объявили себя христианами. Другой Мардарий был затворником Киево-Печерской Лавры в XIV веке и был прозван в житии "нестыжательным", а в одной древней надписи — "бескелейным". Выполняя особенно строго обет нестыжательности, он не имел ничего, кроме одеж-

ды, которую носил на себе. В XVII веке известно было еще два Мардария, имевших отношение к литературе: они писали силлабические вирши. Один из них был келейником патриарха Никона и последовал за ним в ссылку. Другой был монах Мардарий Хоников. До недавнего времени их иногда смешивали одного с другим. О каком Мардарии "любил повествовать" Боровитинов, и что именно он рассказывал, остается неизвестным.

Белецкий, Александр Иванович (1884–1961) – русский и украинский литературовед, академик. Недоброво, очевидно, знал его по Харькову. Окончил в 1907 г. историко-филологический факультет Харьковского университета, после чего совершил свою первую поездку в Петербург. Об этой поездке рассказывается в воспоминаниях о Белецком И. Я. Айзенштока ("Из ранних лет научно-литературной деятельности А. И. Белецкого", в сборнике в честь Д. Д. Благого к его 80-летию: *Искусство слова*. Москва, "Наука", 1973, стр. 395–398). Айзеншток, будучи осенью 1916 г. 16-летним студентом-юристом Харьковского университета, стал посещать лекции на историко-филологическом факультете, познакомился с Белецким и был привлечен последним в основанный им историко-литературный кружок. В этом кружке Белецкий рассказывал о своей поездке в Петербург, где его чичероне был Недоброво, вводивший его в литературную жизнь столицы. Свои впечатления провинциала от Петербурга, его литературной жизни, любопытные, но и немного наивные, а отчасти явно отражающие позднейшие наслоения, Белецкий позднее записал, и Айзеншток приводит в своей публикации отрывок из них. Главное место в этом рассказе занимает визит к Александру Блоку в его квартире на Галерной вместе с Недоброво, которого Белецкий называл "Другом" и "Вергилием". Ср.: "Об одном эпизоде биографии Блока". Публикация М. Бронного. *Тезисы I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А. А. Блока и русская культура XX века"*. Тарту, 1975, стр. 177–178. Ю. Л. Сазонова-Слонимская в своих воспоминаниях о совместной жизни с супругами Недоброво на Кавказе в 1917 году, напечатанных в нью-йоркском "Новом Русском Слове" от 26 мая 1954 г., говорит, что, живя в 1915 г. летом в Алуште, Недоброво много общался там с А. И. Белецким, А. А. Смирновым (1883–1962) и К. В. Мочульским (1892–1948).

Петражицкий, Лев Иосифович (1867–1931) – известный юрист, до революции профессор С.-Петербургского университета, потом – Варшавского. Анреп был его учеником после окончания Училища Правоведения, в которое он перешел после 7-го класса харьковской гимназии, проведя перед тем один год в Англии. Петражицкий хотел оставить его при университете, но Анреп вместо того, соблазненный своим другом Д. С. Стеллецким, уехал в Италию и стал художником. Об этом эпизоде в своей биографии Анреп рассказывает в воспоминаниях о Недоброво в имеющем вскоре выйти третьем томе зарубежного издания сочинений Ахматовой под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

3

17.X.10 Спб. Кавалергардская 20

Одною из драгоценнейших твоих способностей является проникновение в чувственную, плотскую жизнь других людей; ты именно умеешь быть в чужой шкуре – помнишь: мои руки протянулись в твои? Так и в "Оде" – слезы, текущие в уши, да и многое другое – и твой читатель сидит в шкуре крылатого калеки, запрокинутого назад, как чурбан, а вот в главе XXXVI плохое, с этой точки зрения, место:

"Тогда завернул останки
и, отнеся в пещеру, схоронил
в колодезе глубины".

Если прочесть это описание действования (а в действовании особенно сказывается чувственная природа человека, тем более калеки), не помня об увечии послушника, очень отчетливо представишь себе, что он завернул его при помощи рук, затем поднял на руки и, переступая на двух ногах, пошел со своею ношею. Конечно, ты не употребил слов, противоречащих той картине, которая разворачивается перед воображением, помнящим о растрате членов, — ведь завернуть можно и ухватывая края ткани зубами, а затем натягивая их, нести можно и в воздухе (говорят же: орел понес ягненка), но все таки нет в эту минуту ощущения в своих нервах и мускулах той трудной работы, которую проделывал окрыленный горемыка. Либо совсем иначе: после его полета калечность его должна быть забыта, точно ее и не было. Тогда надо было заставить ее забыть, метко толкнув читателя каким-нибудь словом *противоречащим* прежнему.

21.X.10

В третьей главе — прекрасная глава ("а что хорошо, если не это") — сказано: "взбивая колени". Я как-то нечаянно прочел: "взгибая колени". Ты подумай над такой заменой.

Глава VI: "Холодные тучи, как черные улитки, своей слизью шевелят мне волосы". Эти тучи напомнили мне тучи из "Создания мира" и потому не понравились — тут титанизм этот, пожалуй, неуместен.

Гл. VIII, две последние строки, отличное выражение действенности человека — один из главных мотивов твоего творчества. Ты, именно, любишь взять увиденное, любишь притти на зов.

"Расторгнут союз и развязаны концы его", прекрасное церковное выражение: мне нравится, что ты усвоиваешь себе язык житийной письменности и речь народную; нравится потому, что в этом я вижу залог будущего нового сближения наших творчеств: теперь они безмерно далеки. Достойно примечания, что в этих устремлениях ты совпадаешь и с Белецким: им написано несколько очень хороших образчиков этого рода. Ты прямее его подходишь к источникам, а он, хоть это и не слишком выражено, через Флоровых опыты оживления римско-католической агиографии.

"Мне же надлежит, как завещано, возвестить о сокровенном".

Возвещай — Жду.

Вчера был вечером у Девель — длинные разговоры о влияниях. Нина Модестовна объясняла мне, что она, своим влиянием, противоборствуя нашему прежнему влиянию, внушает Татьяне Модестовне чувство долга и спасает ее из сумрака бесплодного уствования, куда было завели ее ты, я и сочинения Петражицкого. По чистой совести я не заметил следов нового влияния на Татьяне Модестовне, но следы усилий Н.М. заметил. Мне Т.М. очень жаль. Целую руки Юнии Павловне.

Твой, мой друг, *Недоброво*.

4

17/30.VI.11 Salsomaggiore, Casa Fine

Дорогой

Борис Васильевич!

Очень давно не писал Тебе, главным образом оттого, что весь май я провел почти что в тюремном заключении, а именно попал в присяжные заседатели на весьма громкий, во всех отношениях поучительный, но уж чересчур громоздкий процесс Вонлярьских, обвинявшихся в подлоге духовного завещания князя Глинского. Затем преддорожные сборы, сама дорога и опаматование от нее... Наконец и оно настало и сегодня я сел за письма.

Юния Павловна была у нас накануне отъезда нашего, и эта, хоть единственная и недолгая, притом, с нею встреча была нам очень приятна. Юния Павловна рассказывала о

Вашем житье-бытье, о том, что Ты пишешь картину на известный мне давний замысел и что летом собираешься писать продолжение поэмы. Особенно обрадовало меня сообщение Юнии Павловны, что ты собираешься побывать у родителей в Киссингене, что даст мне надежду на свидание с Тобю. Примерно через месяц мы переезжаем отсюда в Швальбах, расположенный вблизи Франкфурта на Майне, и пробудем там тоже с месяц. Если Ты будешь ехать в Германию в этот период, то можешь заехать туда, если же в более поздний, когда мы будем жить в Баварском Тироле, то мы могли бы списаться и съехаться в Мюнхене, от которого Киссинген очень недалеко. Приехать же к Тебе в Париж мы не сможем. Суди сам: тут еще месяц лечения — купаюсь в невероятной гадости (керосин, иод, бром, железо, стронций, литий и едва ли не радий) и ту же гадость в горячем виде нагнетают мне в горло и легкие, вследствие чего я день деньской сплю. Затем в течение месяца пью вод в Швальбахе. Значит только в середине нашего августа я освобожусь от вод, а в Петербурге мне надо быть к 25 сентября. Этот месяц с небольшим надо провести в тишине, в физическом отдыхе, в дописывании и исправлении трагедии, которая уже давит мою совесть.

Очень бы хотелось повидаться.

Палец Любви Александровны все болит. Она Тебе кланяется.

Твой душевно *Недоброво*.

Сообщи мне адрес девиц Девель.

Любовь Александровна очень просит Тебя прислать стихотворение на ту тему, что и картина. Его у меня не оказалось, и ни я, ни Юния Павловна не могли его вспомнить, а Л. А. оно очень интересуется.

Процесс Волярлярских — этот судебный процесс очень нашумел в то время.

5

14/27.VII.11 Langenschwalbach, Villa Rhenana

Дорогой

Борис Васильевич.

Твое письмо, укрепившее надежду на свидание, очень меня обрадовало. В то время, когда Ты будешь в Германии, мы будем жить где-нибудь в Баварском Тироле в 2 ч. езды от Мюнхена. Если захочешь, приезжай прямо туда, а не то мы выедем в самый Мюнхен, который наверно будет на твоём пути. Я не хорошо разобрал название того места, где будет Юния Павловна и потому не могу сообразить где это.

Может быть и Ты не все разберешь в моем письме — тогда прости. Я пишу его полулежа в полотняном кресле на ярко палимой солнцем дорожке и держу бумагу в воздухе.

Я очень рад, что добрался досюда, а то в Италии было нестерпимо жарко, небо было пыльно серого цвета и только внутри Миланского Собора можно было укрыться от жары. Ты не увидишь, но внуки Твои увидят, что при победе демократии и секуляризации церковных имуществ в Италии, в Соборе будет устроен муниципальный ресторан, где в жаркое время места будут брать с бою.

В Милане я пробыл 2½ дня — нестерпимо. Обошел 4 пинакотеки, но почти ничего не увидел от жары. Только вещи Леонардо и особенно Codex Atlanticus — громадный том его рукописей и рисунков, впрочем закрытый и запятанный под стекло — могли сильно пробудить мое внимание.

Собор я излазил по всем направлениям и нашел в нем много недостатков. Особенно нехороши окна позднего возрождения на главном фасаде, расположенные под окна-

ми готическими. Вообще главный фасад в Соборе всего хуже.

Палец Л. А. болит $\frac{1}{2}$ года. 4 хирурга его осматривали и говорят, что он хотя и медленно, но должен зажить, и если к осени не заживет — надо оперировать. Л. А. Тебе кланяется. Мы здесь еще недель 5. Весь Твой

Н. В. Недоброво

Адрес девиц Девель?

6

17/30.VIII.11 Швальбах

Дорогой Борис Васильевич.

Я уже писал Тебе в Крейцнах, но для верности пишу еще и в Киссинген.

Мы выезжаем отсюда в субботу, 2-го сентября, и в четверг, 7-го сентября, вечером будем в Мюнхене. Из Твоего письма можно понять, что Ты приедешь днем раньше. Либо оттяни свой приезд в М. на один день, либо уведомя о том, когда приедешь туда, и мы будем ехать быстрее, чтобы подольше видеться.

Жить в Мюнхене мы будем в пансионе "Villa Gruber" на Hessstrasse, на углу Arcisstrasse, около самых пинакотек. Мы жили там в прошлом году и остались удовлетворенными. Было бы хорошо, если бы и Ты там остановился.

Конечно, Ты прочтешь нам и свою поэму.

Любовь Александровна будет очень рада свиданию с Тобой.

Передай наши сердечные приветствия Прасковье Михайловне и Василию Константиновичу.

Твой *Недоброво*.

Прасковья Михайловна и Василий Константинович — родители Б. В. Анрепа. В. К. Анреп (1852—19??) окончил Медико-Хирургическую Академию, был в ней приват-доцентом фармакологии. В 1884 г. занимал кафедру судебной медицины в Харьковском университете, позже был профессором Клинического Института вел. княгини Елены Павловны и Училища Правоведения. Напечатал ряд трудов по медицине на русском и немецком языках. В 1899—1902 гг. был попечителем сначала Харьковского, а потом С.-Петербургского учебного округа, а в 1902—1904 гг. директором медицинского департамента Министерства внутренних дел. В 1907 г. был избран в Третью Государственную Думу от С.-Петербурга. Принадлежал к фракции октябристов, причем по некоторым вопросам примыкал к ее левому крылу, а по другим — к правому (например, в вопросе об автономии Финляндии).

7

7/20.IX.11 Bayern, Tegernsee, Gasthaus Leeberg

Дорогой Борис Васильевич.

После Твоего отъезда мы пробыли в Мюнхене еще 5 дней, гуляя, главным образом, по всяким собраниям, и много видели. И здесь мы уже шестой день, но время прошло очень быстро. Мне еще раз хочется ото всей души поблагодарить Тебя за нашу встречу и за все, что в ней было — за поэму Твою прежде всего. На расстоянии, я в состоянии

дать еще одно свидетельство ее совершенства — я ее отлично помню, помню с одного раза и с чужого чтения; помню притом не слова сочинителя, но самые события, как если бы я был их насторожившимся свидетелем. А сделать так, что мои глаза видят сердце творения и совсем не распознают словесной его ткани — это, мне кажется, значит приблизиться к цели целостного творчества — "о если б без слова сказаться душой было можно"!

Ты мне о Юдифи сказал много глубоко для меня радостного — благодарю Тебя и за это. Сегодня я начал свою работу над нею и почти дописал пятое действие. Здесь, за две недели, я должен довести трагедию до такого состояния, когда впереди останется лишь мелочная обработка: перемена отдельных слов и подобное.

20го сент. русского стиля мы отсюда уезжаем, остановимся дорогою в Дрездене и 26го утром будем уже в Петербурге на обычной нашей квартире.

Здесь много много — целые лужайки поросли ими — тех цветов, каких — Ты помнишь? — Ты сорвал для Любви Александровны в Английском Саду в Мюнхене. Они приветливо Тебя напоминают и отчасти поэтому они стоят на моем столе в лиловеющем стакане. Следовало бы, чтобы Твое перо зарисовало где нибудь и эти цветы.

Находясь в любом месте Баварии, полезно вспоминать Тютчева, чуть не 30 лет прожившего в этой стране. Бывал он и здесь — над зеленым озером, над изумрудною долиной, среди ласковых гор и написал здесь стихотворение:

Я лютеран люблю богослуженье.

Но вышеприведенный пейзаж я воссоздал теоретически, погода тут совсем не ласковая, а всего хуже, что холодно и пишу я письмо в перчатках.

Любовь Александровна с радостью вспоминает о Тебе. Наш привет Юнии Павловне.

Твой Недоброво.

Поэма — вероятно, речь идет о той самой поэме, о которой рассказано в примечании к письму 2.

8

9.XI.11 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич!

Твое письмо очень меня обрадовало — мне приятно было узнать, что прилив дружеского чувства, которое так оживилось при нашем свидании, дошел, в моем письме, до Тебя и чутко был Тобою принят. Ведь многое можно сказать о том, насколько привязанность людей, подлинная, является неоцененным благом.

Что же Твои работы? Трудное Твое восхождение в каждом шаге поучительно и привлекает мое любопытство. Мне вполне понятно, что пишешь Ты о трогательности рисунка.

Я в Тегернзее дописал "Юдифь" и исправил в ней несколько крупнейших погрешностей, но все же работы над нею предстоит еще не мало, а работать зимою я почти не могу.

Общество ревнителей художественного слова действует и принесло мне ту пользу, что через него я сблизился с Вячеславом Ивановым. Мысли его об искусстве гораздо выше собственного его искусства, и беседы с ним поучительны и воодушевляют. Мне случилось как то прочитать ему два своих стихотворения и крошечный отрывок из "Юдифи". Кроме того, что он очень все это хвалил, он делал отдельные замечания, — и обставлял их общими соображениями, — очень тонкие. Независимо от этого, он может оказать

ся полезным мне, если мне вздумается предпринять что нибудь практическое в области литературы.

По пути из Тегернзее в Россию останавливались на день в Мюнхене, купили там гравюру 1631 года с изображением Швальбаха; дальше останавливались на несколько дней в Дрездене, где я все больше смотрел картины и еще расширил и углубил свои живописные переживания. Мне так хотелось пойти в Эрмитаж, чтобы посмотреть его новыми глазами, но, по случаю переделки отопления, он теперь закрыт.

Приветствуем Юнию Павловну и Тебя.

Твой неизменно, Недоброво.

Общество Ревнителей художественного слова — основано в 1909 году по почину Вячеслава Иванова. Часто называлось также "Академией стиха". Собиралось поначалу у Ивановых на знаменитой "Башне" на Таврической улице. Недоброво принимал в нем деятельное участие, читал доклады, а в 1914 году был вместе с Н. С. Гумилевым и В. А. Чудовским избран в его совет, в который входили уже Блок, Брюсов, Вячеслав Иванов, проф. Ф. Ф. Зелинский и С. К. Маковский. Вероятно, Недоброво принадлежат заметки в "Аполлоне" о заседаниях этого общества, подписанные Litotes (псевдоним этот не зарегистрирован в "Словаре псевдонимов" И. Ф. Масанова). В одной такой заметке ("Аполлон", 1914, № 5) рассказывается о чтении Гумилевым поэмы "Мик" (тогда называвшейся "Мик и Луи"), после которого Гумилев изложил свой взгляд на эпический род поэзии. Недоброво же может принадлежать подписанная буквой Z. заметка о заседании Общества в январе 1914 г., в котором были избраны новые члены совета, в том числе он, а также читалась Гумилевым его пьеса "Актеон", вызвавшая "особенно продолжительные прения" ("Аполлон", 1914, № 1–2).

9

6.II.12 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

Что с Тобю стало, что нет о Тебе ни слуху, ни духу. Если бы Ты писал мне, это было бы мне очень полезно, так как те беспредметно тяжелые настроения, или, точнее, пустоты в настроениях, которые Ты мог наблюдать во мне весною, то и дело вновь появляются и освободиться от них я все не могу, несмотря даже на то, что с конца декабря я приступил к верховой езде и 3–4 раза в неделю в манеже Кавалерийской Школы, под командою вахмистра Рубцова, занимаюсь принятиями по барьеру и через манеж, вольтами, прыганьем через барьеры и — самое решительное против души средство — продолжительной ездой крупной строевой рысью.

Одно время здесь говорили, что прапорщиков, проживающих за границей, вызовут, благо мера эта казне ни во что не обойдется, а неприятеля напугает — и я уже предвкушал свидания и разговоры с Тобю и даже кавалькады. Теперь все пошло немного в оттяжку, но не могу утаить, что, по имеющимся сведениям, чуть только мы отпразднуем трехсотлетие династии, и чуть только взятые осенью новобранцы будут готовы к бою — вероятно в начале марта, следует ожидать войны.

Верховая езда, это пока самое жизненное из моих занятий. Писаньем я почти совершенно не занимаюсь, ожидая для этого лета. Служба идет совсем неприметно для моего внутреннего я и только что отнимает по несколько часов в день.

Знал ли Ты, что Лисенков пишет преинтересные стихи? Хотя много можно возразить против *рода*, но в этом роде все — очень остро. Мы затеяли с ним основать Академию, помнишь, в том виде, как с Тобю в свое время мечтали. Но, кажется, не с кем

этого осуществить. А что Твоя статья для "Аполлона"? Первая, я слышал, произвела среди художников большое впечатление.

Примите наши приветы.

Весь твой Недоброво.

Кроме того, по просьбе Л.А., добавляю, что статья понравилась даже родителям.

Лисенков, Ефим Григорьевич (1885–1954) – поэт и художественный критик. В 1916 г. им и Недоброво был выпущен "Альманах Муз" (см. выше, в примечании к письму 1). Его статья "Графические работы М.В. Добужинского от 'Свинопаса' до 'Бедной Лизы'" была напечатана в альманахе "Завтра", вышедшем в 1923 г. под редакцией Евг. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского (Берлин, "Петрополис"). Книга его *Английское искусство XVIII века* издана посмертно, в 1964 г.

"Мы затеваем с ним основать Академию..." – эта "затея" несколько позднее получила воплощение в Обществе Поэтов, в котором Недоброво с самого начала играл руководящую роль. Сохранились повестки некоторых заседаний этого общества в 1913 и 1914 гг. Так, в заседании 1 ноября 1913 г. сам Недоброво читал доклад о книге кн. С.М. Волконского "Выразительный человек", а поэт Александр Кондратьев – о молодости поэта Щербины. В заседании 17 ноября В.В. Ковалевский сделал сообщение о поэме Анрепа (в повестке он назван фон Анрепом, как звался тогда его отец) "Foreword to the Book of Anrep" (интересно, что здесь название поэмы дано по-английски – поэма к тому времени была уже напечатана; см. об этой поэме еще в примечании к письму 26). В том же заседании имело место "обсуждение насущных для настоящего времени вопросов, связанных с теорией и техникой романа". На повестке заседания 27 ноября стояли доклады Виктора Ховина (тогда редактора журнала "Очарованный Странник") "Распад русского декаданса и дни великого смятения" и Дмитрия Крючкова "Что такое русский эгофутуризм?". О Ховине и Крючкове см. мою статью "О Викторе Ховине и его журналах" в амстердамском журнале *Russian Literature* (IV–2, April 1976), а также поправку к ней в следующем номере (статья, к сожалению, была напечатана, по вине редакции, с большими недочетами). Также – книгу В.Ф. Маркова: *Russian Futurism: A History*, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, 1968 (по указателю). 19 января 1914 г. Георгий Иванов должен был читать свою повесть "Приключение на пути в Бомбей", а Юрий Верховский – свои стихи. На повестке заседания 22 апреля стоял доклад самого Е.Г. Лисенкова об акмеизме. Заседания происходили на Спасской улице, в д. № 18, кв. 23.

Статьи Анрепа – в "Аполлоне" были напечатаны четыре статьи Б.В. Анрепа: "Беседа о живописи" (1912, № 8); "Беседы о живописной технике" (1914, № 1–2); "Беседа о живописном ремесле" (1914, № 8) и "По поводу выставки с участием русских художников" (1913, № 2). (Об этой выставке и роли в ней Анрепа см. ниже.)

10.VIII.12 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

Извини меня, что я давно не писал тебе, но молчание человека, которому, между прочим, дано деловое поручение, должно доставлять удовольствие – все значит благополучно. Так оно и есть. Рех Чурляниса в моем присутствии заколочен в ящик, а затем все сделано по твоим указаниям: что нужно написано, что нужно – заплачено. От Стел-

лецкого из Москвы получен большой ящик, исправно упакованный. Одна только доска на крышке оказалась слабоватой, но я распорядился набить несколько досок поперек крышки (гвозди, конечно, вбиты не в картины, а в стенки ящика) и, таким образом, и это в порядке.

Получена еще на Лиговке папка, перевязанная веревкой, концы коей закреплены сургучной печатью. На ней надпись: Члену Государственной Думы etc, для передачи его сыну Б. В. от Датиных. Швейцар полагал и ее послать к Роджеру Фрею, но я это дело остановил. Пожалуйста уведоми, что с нею сделать и, если чтонибудь спешное, уведоми в письме на имя Любови Александровны. Дело в том, что я завтра недели примерно на 2 (не больше) уезжаю из СПб в гости к Рачинским, в Бобровку, о которой ты не раз верно слышал. Продолжение твоих дел я вручаю Л. А., если что понадобится. А к 25 я успею из Бобровки вернуться. Мне пиши все таки сюда — я никому не даю Бобровского адреса и Л. А. будет пересылать мне письма.

Иссякновение чернила вынудило меня к перерыву в письме. Тем временем пришло твое письмо и швейцар с Лиговки известил о приходе мягкой посылки. Я велел заколотить ее в прочный ящик и завтра поутру схожу посмотреть как что сделано и напишу адреса.

Я очень рад твоему письму, но ответу на него (т. е. напишу письмо *досужное*) уже из Бобровки, так как отъезд мой определился неожиданно и множество мелочей должно переделать.

Любовь Александровна очень благодарит тебя за память и за внимание. Пусть твоя совесть не мучится, что ты не заехал проститься — ты бы не застал Л. А. дома, так как в тот день с одним ее дядей случился легкий удар и она была у него.

Передай наши сердечные приветствия Юнии Павловне.

Тебе душевно преданный

Недоброво.

Rex Чурляниса — одна из картин, отправлявшихся на вторую выставку искусства постимпрессионизма, организованную в Лондоне известным английским художественным критиком и художником Роджером Фрасм. Русским отделом на этой выставке ведал Б. В. Анреп, а в Петербурге с собиранием и отправкой картин ему помогали супруги Недоброво. В следующих за этим письмах много места уделено вопросам, связанным с этой выставкой. Кроме упомянутой в примечании к письму 9 статьи самого Анрепа о выставке в № 10 "Аполлона" за 1912 год в отделе "Rossica" П. Д. Эттингером (1866—1948), который регулярно вел в журнале этот отдел, подписываясь иногда Р. Е., был напечатан краткий отчет о выставке, в котором было сказано, что русский отдел на ней "устроен был проживающим в Лондоне сотрудником "Аполлона" Борисом фон Анреп, который снабдил каталог выставки небольшой статьей о новейших течениях в русской живописи". Среди русских участников выставки, кроме самого Анрепа, Эттингер назвал: Богаевского, Гончарову, Жукова, графа Комаровского, Ларионова, Петрова-Водкина, Рериха, Сарьяна, Стеллецкого, Судейкина и Чурляниса, прибавив: "и др."

Чурлянис (или, правильнее, Чурленис), Николаюс Констант (1875—1911) — выдающийся литовский художник и композитор. "Аполлон" после смерти Чурлениса напечатал статью о нем своего редактора С. К. Маковского (1877—1962) и воспроизвел целый ряд картин его, а в № 3 за 1914 год напечатал еще статьи Вячеслава Иванова и Валериана Чудовского и дал еще много репродукций картин, в том числе и картины "Rex". В 1938 г. в Лейпциге вышла небольшая монография о Чурленисе Николая Воробьева (Nikolaj Worobiow, M. K. Čiurlionis. *Der litauische Maler und Musiker*, Kaunas und Leipzig).

Датиевы — см. ниже, примечание к письму 27.

Рачинский, Григорий Алексеевич (1859–1939) — философ, историк литературы, переводчик, редактор философского издательства "Путь", автор книги "Трагедия Ницше" (1900). Двоюродный брат С.А. и В.А. Рачинских, племянников Боратынского, младшая сестра которого была замужем за Александром Антоновичем Рачинским (1792–1866). О свойстве Недоброво с Боратынскими мы находим сведения в публикации Ю.Н. Верховского *Е.А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских* (Петроград, изд. Императорской Академии Наук, 1916). В примечании к письму Боратынского к сестре Наталье от 25 апреля 1842 г. мы читаем, что упоминаемая в письме Lise — вероятно, двоюродная сестра Е.А. Боратынского, Елизавета Ивановна Панчулидзева, в замужестве Недоброво, дочь Ивана Давыдовича Панчулидзева и Марьи Андреевны, рожденной Боратынской, тетки поэта. Муж ее, Павел Васильевич Недоброво, лейб-гусар (1821–1822) и помещик Тамбовской губернии, был сыном Василия Александровича Недоброво, генерал-адъютанта императора Павла, сослуживца и соседа Абрама Андреевича Боратынского. Брак Елизаветы Ивановны не был счастливым. Впоследствии она жила в Москве, где и скончалась в глубокой старости в 1890-х годах. (Здесь, в примечании к примечанию, сказано, что эти сведения основаны на сообщении Н.В. Недоброво). В примечании к другому письму сказано, что Василий Александрович Недоброво был любимцем Павла I и командиром Семеновского полка. При отставке ему была пожалована тысяча душ в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Имение его, Васильевка, находилось в пятидесяти верстах от Мары, имения Боратынских. В публикации Верховского упоминается еще одна дочь В.А. Недоброво, Надежда, в замужестве Малевинская. У Малевинских было имение рядом с Васильевкой. В примечании к письму XVII (на стр. 41) сказано, что Недоброво были хорошо знакомы с Боратынскими. У меня создалось впечатление, что Анреп ничего не знал о связи семьи Недоброво с Боратынскими и вообще о происхождении Недоброво имел представление довольно смутное. В одном письме он мне в этом признался. В воспоминаниях, которые будут напечатаны в третьем томе "Сочинений" Ахматовой, он писал, что в результате наговоров одной университетской дамы его мать не хотела, чтобы Недоброво бывал у них в доме ("мать Недоброво живет, сдавая комнаты постояльцам, а, кажется, отец Недоброво уездный полицейский чиновник или что-то вроде того — с женой, говорят, не живет. А сестра Недоброво, очень красивая женщина, живет где-то актрисой, а вы знаете, Праксавья Михайловна, что это значит: актриса!!"). Во всяком случае в Харькове все встречи между Анрепом и Недоброво были либо в гимназии, либо на улицах. По словам Анрепа, Недоброво никогда не говорил ему о своей семье (в письмах тоже нет о ней упоминаний). Но Анрепу все эти сплетни казались вздором и только вызывали его сочувствие. Только раз как-то, писал Анреп, когда разговор зашел о прошлом России, Недоброво сказал, что его предок, боярин Недоброво, был казнен Иоанном Грозным, а опричники разграбили его имение, и их род после этого обеднел. Конечно, Анреп мог что-то и забыть: принимая во внимание общность их литературных интересов и тяготение Недоброво к пушкинской эпохе, особенно позже, в Петербурге, было бы странно, если бы Недоброво не заговаривал никогда со своим другом о свойстве с Боратынскими. И в следующем письме даже имеется — правда, мимоходом — такое упоминание.

Бобровка — имение Г.А. Рачинского.

Роджер Фрай — Roger Eliot Fry (1866–1934), известный английский критик, историк искусства, специалист по итальянскому искусству и пропагандист в Англии французских художников — постимпрессионистов, со многими из которых он был лично близок, и сам художник. В 1912 г. он организовал, как было уже упомянуто, вторую выставку постимпрессионизма и привлек к участию в ней Б.В. Анрепа. В двухтомном, обильно иллюстрированном издании писем Фрая (*Letters of Roger Fry*. Edited with an Introduction by Denys Sutton. London: Chatto & Windus, 1972) писем к Анрепу нет (они едва ли сохранились), но есть много писем ко второй

жене Анрепа, англичанке Helen Maitland (1885–1965), которая в 1925 г. ушла от Анрепа к Фраю и прожила с ним до самой его смерти. В напечатанных письмах есть только одно упоминание Анрепа в письме 1919 г. к Ванессе Белл (Vanessa Bell, 1879–1961), старшей сестре Вирджинии Вульф. Есть в более поздних письмах, 1927 и 1929 гг., упоминания дочери и сына Анрепа от первого брака. Незадолго до того, как он оказался причиной разрыва между Анрепом и его женой, в 1923 году, Фрай напечатал статью об Анрепе и его мозаиках в *Burlington Magazine* (vol. 42, June 1923, pp. 272–278). Статья была иллюстрирована общим видом недавней тогда мозаики Анрепа ("Видение св. Иоанна") в часовне Royal Military College в Sandhurst и деталями мозаик в одном частном доме. Об Анрепе Фрай писал в очень лестном духе.

11

7.IX.12 СПб. Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич!

Прости пожалуйста, что мы все оставляем Тебя без ответа, но Твое первое письмо к Любови Александровне пришло так, что ответить на него в Лондон до первого сентября не было возможности, а по второму Твоему к ней письму еще ничего не выяснилось. У Ю.П. Дягилева набоек, кажется, нет, а о посылке других вещей он пока размышляет.*

Картины, я думаю, в Лондоне уже получены. По крайней мере еще в середине августа было у нас известно, что они собраны Геом. Напиши пожалуйста, своевременно ли теперь отправляться за Твоими деньгами? Я, впрочем, попытаюсь получить их и отправить и не дожидаясь Твоего ответа.

Из Бобровки я вернулся 30 августа поутру. Там много вещей, которые бы в другое время могли привлечь мое внимание: громадная библиотека, преинтересные рукописные мемуары конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века, положенная на зеленую тафту и развертывающаяся на несколько саженей грамота XVII века на Бобровку и т. под. Но на все это я поглядел лишь столько времени, сколько нужно, чтобы не обидеть хозяев, не упустивших разъяснить мне свое со мною — через Боратынских — свойство. На меня нашло настроение упражнять свое тело, и я почти три недели, что жил в Бобровке, проиграл в теннис и прострелял из лука. Ноги у меня ныли, кисть правой руки болела, и теперь, когда я возвратился к обыкновенному своему образу жизни, с ладони там и сям начала сходить кожа. Все это доставляло мне самое живое удовольствие.

Только в самые последние дни пребывания в Бобровке я, по случаю дождей, приступил к литературным занятиям. Я внес, прежде всего, ряд мелких поправок в различные старые стихотворения; затем, в виду выхода нового издания стихотворений Тютчева, я из написанного в 1903 г. стихотворения о нем сделал набросок "послания при случае поднесения стихотворений Тютчева"; наконец я написал новое стихотворение, коротенькое, о котором хотел бы узнать твое мнение. Оно, пожалуй что и готово:

Борьба с дерзаньем сердца тяжела.
Когда, в порыве темном и безумном,
Что птица, оба в вышине крыла
Сложившая, оно, с биеньем шумным,

* У Д. набоек нет. Л.А. приглядывает их в других местах, но пока не покупает, так как не знает, нужны Тебе широкие, или узкие? *Уведомь об этом.*

В пучину кинется, упоено, —
 Не устоять душе... А срок наступит,
 И, жадное, лучистое, оно
 Ценой души чего захочет купит.

Незадолго до отъезда в Бобровку я написал на Принцезы Острова О. А. Химона послание в 125 стихов. Стоит это написать, чтобы было ясно, что познакомишься Ты с этим посланием лишь при свидании.

Ну, а Ты, что Ты и как Ты?

Передай пожалуйста Юнии Павловне сердечные приветствия Любви Александровны и мои и прими их сам.

Тебе душевно преданный

Н. Недоброво.

Дягилев, Юрий Павлович — брат С. П. Дягилева. Интересовался русскими древностями. Заведовал кустарным музеем Министерства земледелия. Женат был на художнице Т. А. Луговской. Дружил со многими художниками.

Стихи Недоброво — начиная с 1913 года, Недоброво стал печатать довольно много стихов в журналах — главным образом в "Русской Мысли" и в "Северных Записках". В апрельской книге за 1913 год было напечатано целых девять его стихотворений, в том числе некоторые упоминаемые и приводимые в этом и в следующих за этим письмах. Мы готовим к изданию в ближайшем будущем собрание стихотворений Недоброво.

Химона, Ольга Алексеевна — жена художника Химона (по-видимому, грека по рождению), петербургская красавица, приятельница Недоброво, не раз упоминаемая в дальнейших письмах. По словам Анрепа, она влюбилась в известного американского византолога (о нем см. ниже, в примечании к письму 20), который работал в Эрмитаже, а позже в Константинополе, и, оставив мужа, уехала с ним путешествовать по Европе. Она и ее американский друг позже вывезли вдову Недоброво из Крыма в Италию, где она и скончалась. Анреп писал мне, что слышал, будто бы О. А. Химона позднее вернулась к мужу, о котором мне ничего больше узнать не удалось. Но проверить это он не мог. Упоминаемое здесь стихотворное послание к О. А. Химона дано полностью в следующем письме к Анрепу.

Милый! Я получил Твое письмо и сразу пришел к себе в комнату, чтобы переписать и отправить Тебе все, что я написал в последнее время; я в последние дни в таком подъеме, в каком давно еще не случалось бывать и Твое письмо докатилось до меня звучащим эхом многих немых к Тебе обращений, потому что, когда я пишу, я к Тебе обращаюсь особенно настойчиво. Если твердым искусом мне удалось приучить свой голос верно звучать хотя бы и в пустоте, то только потому, что первая его речь была выверена Тобой и Твои заветы вечно памятливы и глубоко непогрешимы.

ПОСЛАНИЕ О.А. ХИМОНА НА ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

Два месяца почти прошло
 Как я, свободный и досужный,
 С душой, настроенной светло,
 Весь погрузился в мир содружный,
 В неистощимый книжный мир.
 Какой великолепный пир!
 Поэтов жизнеописанья,
 Поэмы, повести, стихи,
 Народов грозные грехи
 И византийские сказанья —
 Все развернулось предо мной
 То в новых книгах, то в старинных,
 И, дней не замечая длинных,
 Весь напивавшись стариной,
 Мой ум сопоставлял известья,
 Любовно посещал поместья
 Поэтов Пушкинской поры,
 Гостил в Петраркином Воклузе
 И с Велизарием в союзе
 Мечом переносил дары:
 Трофеи — Кесарю к престолу,
 Народам — Кесарев закон.
 Мой дух забыл дорогу долу,
 Дух позабыл, что всюду склон.

Так мне жилось, и пробужденья
 Я знал одно — в письме от вас,
 Но пробуждение на час —
 И новый сон... и сновиденье
 Несло мое воображенье
 К простору тех далеких мест,
 Где неизменно на дозоре
 Невидимый Софии крест,
 Где блещет Мраморное Море.
 Там вы! Но вы не только там.
 Спасибо, что моим мечтам
 Вы дали следовать за вами
 По Олимпийским высотам,
 Натешить синими цветами
 Мой взор и в легкие набрать
 Холодный редкий воздух горный.
 Потом в Никею путь неторный...
 В пути пришлось заночевать —
 И белоснежная кровать...
 И с ледяной водой кувшины,
 Чеканенные мудрено...

Никся! Нет, такой картины
 И в снах я не видал давно:
 Проходит время, все мешая,
 И деревушка небольшая,
 Вся в зелени, защищена
 Неколебимыми стенами
 И башнями окружена
 И триумфальными вратами;

Юстинианов акведук,
 Несомый арок чередой,
 Журчит прозрачною водою...
 И гулко слышен каждый стук —
 Так тихо в воздухе каленом.
 И тут же в озере зеленом
 Степенно буйволы стоят
 И грузно из воды выходят
 И лбами низкими поводят
 И важно на стены глядят.

Но видно сон был слишком долог,
 И я томиться стал во сне;
 Как будто бы какой-то полוג,
 Густой, мешал, свисая, мне.
 Уж я не находил покою
 В моей излюбленной тиши,
 Необъяснимую тоскою
 Вдруг обернулся сон души...
 Так день прошел, другой, покуда
 Не стал я замечать в тоске
 Каких то весний оттуда,
 Где звуки зреют вдалеке,
 Где роются ключи в песке...
 Очнулся — прорвана запруда!
 Я в разлитой плыву реке!

Уж больше бодрствовать не может
 Дух человека, как тогда,
 Когда предчувствие труда
 И творчества его встревожит;
 И что ж я вспомнил в этот миг?
 Да то же, что во сне я видел:
 Я вспомнил вас, а груды книг
 Пренебрежением обидел.
 Их отодвинув, я пишу
 Вам стихотворное посланье,
 Пишу и глубоко дышу,
 Унять стараюсь щек пыланье
 Холодной левою рукой,
 Забыв тоску, забыв покой!
 И без существенных изъятий
 Вся повесть лета моего,
 Моих мечтаний и занятий,
 Моих надежд, важней всего,
 В стихи ложится торопливо.
 Мне мил стихов певучий звук,
 Слагаемых неприхотливо
 Для ваших благосклонных рук.
 Я радуюсь, что те минуты
 Вам, милый друг, посвящены,
 Когда едва отмечены
 Души разорванные пути
 И дали наконец ясны;
 И добрый знак я вижу в этом:

Пройдет разлука вместе с летом,
А осень как не далека,
Затянут солнце облака
И в тихом Павловске мы будем
Друг другу повести читать,
Похвалим это, то осудим,
И разговорами мечтать
Мы будем помогать друг другу,
Пешком исходим всю округу,
Не раз поможем под дождем

И так событий подождем.
И верится, что вашим сердцем,
Как ни было б судьбой оно
Взволновано, потрясено,
Я буду признан одномоментцем.
И гордость я поставлю в том,
Что впрямь счастливые мгновенья
Я вам доставлю — а потом
Воспоминаний упоенье.

3.VIII.12 с поправками 4 и 5.VIII.12

Написанное 26.VIII в Бобровке стихотворение, получившее теперь заглавие "Страшное сердце", есть у тебя.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ — НА ROSARIUM

Видя корзины глубокие роз, разноцветных, пахучих,
К дому снесенных тобой, видя тебя, наконец,
С новой душистою ношей в кошнице чисто сплетенной,
С песней идущего к нам, скажет с досадой иной:
"Розы для всех цветут, а он не все ли замыслил
"Их обобрать для себя?" "Случай", отвечу ему:
"В путь иди, маяками упавших роз направляем;
"Сильного он приведет в полный цветов вертоград:
"Там, коль сердцем чист, как этот — розы несущий,
"Розу увидишь Одну — Той не сорвать никогда!
"Эти ж прелестные розы — мгновенные тени Единой;
"Этими, сколько ни рви, мир не иссякнет благой!"

1—14.IX.12

СТИХИ, ВЫРЕЗАННЫЕ НА ПОМЕРАНЦЕВОМ ДЕРЕВЕ

(перевод из Парни)

Твой, померанец, свод густой и плотный
Нам послужил прикрытием любви.
Прими ж стихи и с ними век живи,
С детьми моей истомы беззаботной.
И тем скажи, кто для любви своей
Твою бы сень укромную избрали,
Что, если б от улады умирали,
Я умер бы под кущю твоей.

15—16.IX.12

В последнее время я делал исправления во многих старых стихотворениях. Этим вызвана следующая элегия. Она, кажется, не готова еще.

Люблю отделять стихи прошедших лет:
Воспоминанию улады большей нет.
Ведь, чтобы выправить удачно только слово,
Все, что вело к стихам, необходимо снова
Ожившим в полноте почувствовать в себе.

И беглый поцелуй, по дрогнувшей губе
 Скользнувший и едва замеченный в ту пору,
 Теперь так задержать, чтоб творческому взору
 Неповторимость всю увидеть удалось.
 Я примечать люблю, как много довелось
 Мне нового познать со времени сложенья
 Иного важного душе стихотворенья,
 Которое тогда я как предел судил
 Искусства моего, моей души и сил,
 А ныне — опыта счастливые уроки —
 Мня в нем слова, вычеркивая строки,
 Вдруг сообщу ему и свет и глубину
 И даже большую в той глубине длину.
 И сущее в таких занятиях сущим,
 Прошедшим — прошлое, грядущее — грядущим
 Воспринимаю я, но вижу и закон,
 Благоустроенно упадок и восклон
 Связующий в душе таинственным обрядом —
 И благодарным жизнь окидываю взглядом.

16.IX.12

ДИСТИХИ ОБ АПОЛЛОНЕ

I.

Феб, не бросайся на дно! Тебя вода не удержит.
 Прежде чем тронешь ее, пламенем в пар обратишь!

16.IX.12

II.

В тайну его не вводи: он Фебовым знаком отмечен.
 Тайна его не зальет; тайну огонь просквозит.

16.IX.12

III.

Дафну, подумав, вини. — Она убегала от бога.
 Солнце дерзнешь ли принять в тело живое свое?

16.IX.12

IV.

К милым нейди, Аполлон. — Сожжешь. Удались и на столько,
 Чтобы не видеть их — станешь сияньем благим.

16.IX.12

V.

Как хорошо по земным расстояниям к Солнцу стремиться!
 Горько, коль горным путем Солнце навстречу пойдет.

17.IX.12

Это, как видишь, разнообразные изречения, но всё об одном.

НАПУТСТВИЕ Ю.Н. ВЕРХОВСКОМУ

Видений и стихов кавказских
Вернулась славная пора,
С тех пор как, жрец богов Парнасских,
Туда, где мечется Кура,
Ты унесен рукою рока —
И ладно: образы Востока
Пленяют любопытный глаз;
Но ожила с того же срока
Пора напутствий на Кавказ —
Печальный род! На этот раз
Мой год назад молчавший голос,
Тебя напутствуя, звучит.
Увесистой озимый колос,
Слова питает, кто молчит.
В разлуке помни нашу дружбу...
Могла б, летала бы, что тень,
Тебя проводить каждый день,
Хоть и не в боевую службу
Давнишних лет под град свинца
Ты едешь — жребии смягчились,
Но умягчились и сердца.
В Кохиде вдосталь утягчились
Сплетенья русского венца
Победным дубом. Лиры ныне
Везешь в далекую страну,
Ей не чужие: в старину
Те, кто водили по твердыне
Кавказа русские полки,
Умели пальцами руки,
Подъявшей меч, водить по лире
И петь, так петь, что в целом мире
То пенье слышно все звончей.
Ты лиры их без их мечей
В дарьяльские уносишь двери,
Ты из под наших мокрых крыш
В Тифлис профессором спешишь,
Где будешь гуриям и пери,
Курсистками решившим стать,
В разумно суженном размере
Литературный курс читать
И светом Пушкинской пьесы
Полуобразования яды
Искоренять в сердцах. О друг,
Ведь это подвиг благородный!
С ним так удачно вступит в круг
Твой дар певца, живой, свободный
И духу предков соприродный.
Завесты дружества прими,
Души под спудом не томи.
Твое профессорство не кара,
Но воля видящей судьбы.
Ей доверяйся без борьбы,
Вей лавры, где плели дубы,
И будь Дедалом для "Икара".

“Икар” — это художественно-литературный кружок в Тифлисе.

Вышло новое издание стихотворений Тютчева. По этому поводу написано следующее:

**ПОСЛАНИЕ О. А. ХИМОНА ПО СЛУЧАЮ ПОДНЕСЕНИЯ ЕЙ
СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА**

(В него вошло, переделанное и сокращенное, старое мое стихотворение “К Тютчеву”)

Позволь любимого поэта,
С которым я душой возрос,
В котором дух искать ответа
Привык на каждый свой вопрос,
Тебе вручить с душой открытой;
И эту книгу ты прочти
Со всей любовью, неисбытой
Тобой на жизненном пути.
Внемли его стихов могучих
Глубокую, простую речь
И обаянью слов певучих
Дай душу далеко увлечь;
И сердцем, ведавшим волненье,
Ты, вместе с ним, переживи
Губительное опьяненье
Его страдальческой любви:
Боль самобичеванья пыток,
Колючие шипы клевет —
И упоений преизбыток,
И радость, и далекий свет.
Задумайся над ним. Он много
Разгадок муками купил
И жуть последнего порога
Он, поборов, переступил.
Мерцая ризой совлеченной,
Развсаяв солнечную тьму,
Природа Мать разоблаченной
Сошла к любимцу своему.
Он взвидел вечное сиянье,
Чуть рухнул златосводный склеп,
Но миготом ночи обаянье
Его постигло — он ослеп.
Он знал о казнях и проклятиях,
Но всей душою он прилип
К усадьбе утопать в объятиях
У матери... Ведь он — Эдип.
Его раздумья — прорицанья,
Песнь — многогласный хор ночной,
Но в голосе слышны стенанья
Души пронзенной и больной.

27.VIII — 20.IX.12

И наконец, элегия повидимому далеко не готовая:

Любовь нежна. А духом меч
Сверкающий подъят,
Все властный в сердце пересечь.
Любовь томит... Но свят
И редок этот вышний дар
В юдоли наших дней,
И слишком легок мне удар
Губительный по ней.
Отрекшийся — он не идет,
Он по земле скользит,
Предчувствуя высокий взлет,

И мир ему сквозит,
Подобно яркому лучу
Через завесы вежд;
Но сбросить бремя не хочу
Тяжелое надежд!
Любовь! Блаженство ль в чашу уст,
Страданье ли пролей,
В моей груди терновый куст
Пылает все светлей!

20.IX.12

С 21 я понемногу работаю над трагедией: 1ое, 2ое действия и пролог признаны, за некоторыми исправлениями, оконченными. Теперь я занялся пятым действием; кое что в нем поправил, но к монологу Юдифи все не решаюсь приступить. Мне жаль, что в Твоей книге все неисправленные вещи. А как я люблю Твои стихи! Как я люблю Тебя и как грустно, что мы так далеко. Целую Тебя, милый. Л. А. счастлива твоим письмом. Наши приветствия Ю. П.

Твой друг Н. Н.

"Послание О. А. Химона на Принцезы острова" — это стихотворение как будто никогда не было напечатано.

Перевод из Парни — перевод стихотворения французского поэта XVIII века Эвариста Дезире Парни (1753—1814), которое называется "Vers gravés sur un oranger".

Верховский, Юрий Никандрович (1878—1956) — близкий к символистам поэт, с уклоном в нео классицизм, и историк литературы. Его книги стихов: "Разные стихотворения" (1908), "Идиллии и элегии" (1910), "Стихотворения, т. I" (1917), "Солнце в заточении" (1922). Почти все его историко-литературные работы касались поэтов пушкинской поры. Кроме уже упомянутых в примечании к письму 10 материалов к биографии Боратынского, назовем: "Поэты пушкинской поры" (1919) и "Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные" (1922). В 1912 г. Верховский был приглашен преподавать в Тифлисе. Отсюда — стихотворное "напутствие" ему Недоброво.

21.X.12 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

В самых первых числах этого месяца Тебе послана набойка. Она обошлась в 29 р. 54 коп., а упаковщику было раньше заплачено 10 р.; всего расходу 39 р. 54 коп. От воинского начальника было получено 36 р., т. е. аким образом передержка составила 3 р. 54 коп. Я надеюсь, что Ты не станешь утруждать почтовые учреждения нескольких держав пересылкой столь незначительной суммы денег, но, когда я, наконец, удосужусь обмерить рамки, которые ты должен заполнить своею живописью, Ты купишь на свой счет тот картон, который я был обязан представить Тебе в натуре.

Несколько дней тому назад я получил из "Аполлона" корректуру твоей статьи при письме Маковского, извещавшего меня, что посылает мне корректуру по Твоему указанию. Он, конечно, кое где перековеркал Твой подлинный текст, но я во всех важных местах его восстановил и Маковский в дальнейшем письме уведомил меня, что мои восстановления он принял. Я очень жалею, что Ты ничего мне не писал о статье и не дал никаких инструкций. Я, однако, надеюсь, что все вышло хорошо: статья прекрасна и ничего *значущего* не потеряла; а так как и немногие изменения в слоге покрыты моим просмотром — Ты перед редакцией "Аполлона" никакой порухи не терпишь. Заводиться же с Маковским из за отдельных слов я не нашел нужным, чувствуя себя прежде всего заинтересованным в том, чтобы статьи Твои были написаны и напечатаны. Я догадываюсь, что и Ты думаешь так же.

Я в начале месяца совершенно окончил "Юдифь". Надеюсь вскоре послать Тебе переписанный на машинке экземпляр ее. Кроме же Юдифи я ничего не сделал, хотя выдумываю различные предположения. Окончание ее очень радостно: силы освободились и можно уже выискивать, на чем бы их сосредоточить.

А что Ты делаешь? Отяготительна эта Твоя привычка держать меня в неизвестности о Твоих трудах.

Целую руки Юнии Павловны.

Твоей душою *Недоброво*.

Что мои стихи?

Корректурa статьи Анрепа — речь, вероятно, идет о статье "Беседа о живописи", напечатанной в № 8 "Аполлона" за 1912 год, а может быть, о статье о лондонской выставке, напечатанной уже в 1913 году.

13.XI.12 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

Вера не обманывает. Больше недели тому назад я собирался писать Тебе и перечитывая твое письмо увидел не замеченную раньше приписку на конверте; после этого я спрятал бумагу в коробку и стал ждать. Только что принесли письмо. Как я рад ему! Вся та нега, которую мы знали с тобою в первые годы нашей петербургской жизни, когда у нас никого не было кроме друг друга, ожила в моей душе, когда я читал эти многочисленные, размашисто написанные страницы. И на твой почерк смотреть мне было приятно. Я сел отвечать тебе, прочтя твое письмо только один раз, и почти ничего не помню из него — очертания содержания расплылись в теплоте радости. Как дорога мне твоя дружба, милый! Кажется я очень поздоровел, или что то другое во мне произошло, но многое старое во мне ожило, хоть ничто новое и не забылось — это, по моему, из моих последних стихов видно и, за это, они мне особенно нравятся. Но мое воображение и мое сердце работают неустомимо и мечут меня от веселости и бодрости к пустыням предсмертного самоотречения, к неверию в жизненные свои силы, а оттуда опять к умиленному восхищению всем, что кругом и что во мне. И главная моя жажда — жажда друзей, и главная причина тоски — суеверное убеждение в том, что всех их хочет отнять у меня судьба. Одни разлюбляют меня, другие уезжают: хоть и не очень он мне друг — В. Иванов, но все таки мил душе, а его нет в Петербурге и весь сезон не будет; то же и Верховский; а Ольга Алексеевна, совсем друг, тоже покидает Петербург с весны. Но мои друзья и умирают: летом умер Тулубьев, после операции по случаю аппендицита, а он мне

многим был дорог и тем, прежде всего, что искренно любил меня, а как я душою ценю это, ты то знаешь.

И потому твое отсутствие очень очень огорчает меня. Мы с Любовью Александровной так любим говорить о тебе и думать, что некогда будем вместе: из этих разговоров и мыслей и возникла мечта о совместной жизни, потому что так нелеп современный раздробленный быт. Я глубоко, глубоко радуюсь успехам твоей лондонской поездке: дорого видеть, что люди способны увидеть свет. Это зрелище наполняет душу самым драгоценным оптимизмом.

Очень благодарю тебя за твои замечания о стихах. Теперь, сию минуту, замечаний этих я не помню, но, читая их, с одними как будто соглашался, с другими нет. Это несущественно, когда есть чувство *достижения*. А оно есть.

Да, об Иванове: он написал мне ответные дísticos; как стихи, они хуже моих, но мне очень дорого упоминание в них о тебе, хоть и косое. Вот они:

По сердцу мне и по мысли моей ты ответствуешь, добрый,
Речи неправой того, кто б, в укоризну певцу,
Сорванных роз пожалел, позавидовав жатве богатой:
Много прекраснейших есть окрест волшебных садов,
Издали виденных мной. Обетованных куш согладаят,
Сильным кошницы я нес — юную мощь разбудить...
Ты ж и твой ласковый друг с глядящими в душу глазами,
Мните ль, ревнивыцы, одни быть господами земель —
Той, что мне каменье ты самоцветное на руку сыпал, —
Той, чьи в теплицах *его* странные дышат цветы?
Вольных набегов добычу — что прячете? Сильным не стыдно
Алчных на гибель взманить нетерпеливую рать.

Когда перечту твое письмо и запомню его, напишу еще. Л. А. нет дома, но я то чувствую как она рада твоему письму и как тебя приветствует.

Передай наши приветы Юнии Павловне. Крепко тебя целую. Любящий тебя

Недоброво.

Недоброво.

Тулубьев — петербургский приятель Недоброво. "Светский человек. Служил в Кредитной Канцелярии. Англоман" — вспоминал о нем Анреп в письме ко мне.

15.III.13

Милый мой друг! Я долго не отвечал Тебе на Твое письмо, хоть и очень хотел писать — оно очень меня тронуло. Но, без всяких видимых причин, я все время в каком то таком расслабленно растерянном состоянии, при котором мне тяжело всякое сосредоточение внимания на самом себе, а оно неизбежно, раз пишу к Тебе: я очень себе надоел и очень тягочусь собою.

Не умею выразить, как впечатлили меня Твои сообщения о Лиговке. Как это тяготно и как беспредельно досадно. Только одно могу сказать — всякому из нас уготована своя — и большая — доля боли.

В самом ближайшем будущем я спрошу у В. П. перчатки и пошлю их Тебе, вместе со всякою сладкою снедью.

Я отлично понимаю, что Тебе в Россию пока что не дорога, но желание мое повидаться с Тобою так велико, что оно не может не осуществиться. Летом мы, вероятно,

поедем за границу и, после Швальбаха, где будем лечиться от малокровия, проедем во Францию повидаться с Тобю, причем, если у нас будет довольно времени и денег, мы побываем вероятно вместе с Тобю и в Париже и в общем проведем во Франции около 3 месяцев. Общение с Тобю в моих теперешних настроениях совершенно мне необходимо.

Вскоре вступаю я на поприще славы. Так как постепенно всему городу стало известно, что я пишу стихи, то я мало по малу начал ощущать себя в довольно глупом положении, особенно когда меня об этих стихах спрашивали и требовали их в печать. Наконец, когда редактор "Русской Мысли" Струве написал мне письмо, в котором, напоминая мне о наших встречах, и т. д.,..., я послал в Р.М. 9 стихотворений, которые будут напечатаны в апреле. Прослышав об этом, стала требовать с меня стихов редакция одного нового журнала, "Северных Записок", которую я также удовлетворил. Весной, когда здесь будет Художественный Театр, я, может статься, приму меры к постановке "Юдифи".

До свиданья, милый! Ты все таки пиши, где Тебя найти. Наши сердечные приветствия Юнии Павловне и Тебе. Твой всегда *Недоброво*.

Друзья мои благополучны.

В.П. — Шуберский. Инженер, свойственник Анрепа. После Революции стал эмигрантом.

16

26.III.13 СПб Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич!

Лисенков и я открыли поэтическое общество, вроде того, о котором мы с Тобю не раз гадали. Естественное дело, будь Ты здесь, Ты бы принял в этом деле участие — мы верим в это до такой степени, что дух Твой незримо между нами присутствует. 4/17 апреля будет первое не организационное, но настоящее заседание общества и первым пунктом программы мы решили поставить чтение Физы, но его в Петербурге не достать* ни за какие деньги. Татьяна Модестовна было пообещала найти его и дать нам для чтения, но должна была затем признаться, что и у нее его нет.

Если Ты не возмущен моей развязностью, с которой я взял на себя всю вину по чтению Физы, не спрося Твоего разрешения, то Ты пришлешь мне Физу и притом поспешно, чтобы можно было первое наше заседание начать с Тебя. Вторым номером предположен мой доклад: о связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием.

Нам бы очень хотелось провозгласить Тебя — и отсутствующего — нашим сочленом. Если Ты выразишь на то желание, очень нас обрадуешь.

В.П.Шуберский в Кисве — вот уважительная причина, по которой не шлю Тебе перчаток.

Передай наши сердечные приветствия Юнии Павловне и прими их сам.

Твой неизменный друг
Недоброво.

* Здесь первоначально было написано "найти". — Г.С.

"Физа" — поэма Анрепа. Не напечатана, но в конце 1961 г. Анреп писал мне, что текст ее сохранился. Один ее экземпляр принадлежал А.А.Ахматовой. Мне Анреп никогда эту поэму не показывал.

Доклад Недоброво — среди имеющихся у меня повесток заседаний Общества Поэтов повестки этого заседания нет. Доклад этот напечатан как будто не был. (Позднее сходной проблематикой занимался Л. С. Выготский.) В № 2 основанного Андреем Белым и Э. К. Метнером журнала "Труды и Дни" была напечатана статья Недоброво "Ритм, метр и их взаимоотношение". Ю. Л. Сазонова-Слонимская в своих воспоминаниях о Недоброво писала: "Свою теоретическую работу по ритмологии он начал перед болезнью и закончить не успел. Работа эта после его смерти была передана К. В. Мочульскому, который хотел ее закончить. Напечатана она не была и, может быть, находится среди посмертных бумаг Мочульского". Я никогда об этом не слышал.

17

2.V.13 Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич!

Неужели же ты хоть минуту думал, что я оставался бы спокойным, если бы Физа не дошел до меня, после того, как я знал, что он послан? Он был получен к сожалению слишком поздно, так что в первом заседании не мог читаться и был прочитан в третьем на Пасхальной неделе. На всех слушавших, как бы ни отнеслись они к поэме по существу (тут были впечатления очень различные), огромное влияние оказал язык и все приемы выразительности. Был даже отзыв, дошедший до меня анонимно (я думаю, он принадлежит барону Врангелю Эрмитажному), что выражение в Физе перевешивает выражаемое. Возражения о Физе по существу направлялись почти исключительно против "светозара": в нем все хотели найти какой-то символ и либо возражали против символизма вообще, либо указывали, что, как символ, светозар слишком похож на радий, чтобы не быть дурно истолкованным. Однако, я рад написать тебе, что все, что было в собрании действительно чуткого, поняло, что веет здесь воздух из под крыльев великой твоей птицы и единственно новизна этого воздуха заставляла вопрошать себя: "что же это?!" Но для меня самое главное то, что я сам испытывал, несколько раз читая и перечитывая твою поэму: есть в ней места до того потрясающие, до того непосредственно на душу ложящиеся, что долго не отделаться от трепета. Ты помнишь эти зеленые колосья, по которым от полета птицы стремится волна? Что тут? — а слез почти не удержать...

Я, конечно, очень виноват перед тобою, что не написал тебе сразу после получения Физы — твою доброту ко мне оставил без ответа. Если у меня хватит умения, я когда-нибудь расскажу тебе то, что со мной происходит: до самых в глубину земли закопанных устоев сотрясается все мое существо и хватает еще как то ловкости, чтобы не потерять равновесия, но руки, туда и сюда для поддержки его размахивающие, все выпустили и ничем уже я не правлю...

Перчатки твои наконец получены и на днях будут тебе посланы.

Теперь еще совершенно неизвестно, когда начнется у меня лето, и потому я не предвижу, когда именно приедем мы к тебе. Вероятно не раньше августа, так как первое время нам необходимо жить в Швальбахе — здоровье наше совсем подорвано. Будь добр, пришли расписание твоего лета, если это возможно, чтобы мы могли к нему приладиться. Во всяком случае мы увидимся: я не могу обойтись без этого. Твое предложение поселиться у тебя нас очень тронуло и если ты в нем не раскрасься, то мы с удовольствием им воспользовались бы. Не знаю я также и предела пребывания за границей. Все мое лето зависит ведь от Высочайших указов, а ты знаешь стих Батюшкова: "Амур все клятвы пишет Стрелой по воде". Прими, наш милый, самые теплые наши приветствия.

Любящий Тебя

Н. Недоброво.

"Врангель Эрмитажный" — вероятно, бар. Николай Николаевич Врангель (1880—1915), художественный критик, сотрудник "Аполлона".

2.VI.13

Дорогой Борис Васильевич.

На днях мы послали тебе посылку. Ты извини нас во всю меру Твоей способности прощать, которая надеюсь у Тебя, как у настоящего человека, велика. 10го, а то и 8го я уезжаю из Петербурга в Швальбах (Deutschland, Langenschwalbach, Villa Rhenana, 11 Rheinstrasse), а в начале августа, по старому стилю, мы выедем во Францию, где надемся прожить месяца 2, или вообще сколько будет возможно, в твоём обществе. Поэтому, спешно, чтобы письмо меня ещё застало, ответь мне на следующее: где Ты будешь летом и если будешь передвигаться, то по какому, примерно, расписанию? Затем, раз Тебе выпадет на долю водить меня по Парижу, какие платья должен я взять с собою? Могу ли я ограничиться пиджаками, или я должен взять сюртук, визитку, фрак? (из презрения к смокингу я его не имею). Затем, сообщи мне, можно ли в Париже и его окрестностях ездить верхом в черных без отворотов сапогах? Или следует ездить в крагах, или в сапогах с отворотами? Это на тот случай, если одновременно с нами будет в Париже Ольга Алексеевна, моя верховая дама, которая очень обращает внимание на одежду своего кавалера.

Вот все деловое. А не деловое — всегда одно и то же: я очень Тебя люблю, и мне весело писать Тебе письмо, в котором о нашей встрече приходится говорить не как о предположенной, но как о решенной, и обдумывать всякие ее мелочи.

Любовь Александровна и я приветствуем Тебя.

Твой душою

Недоброво.

19

9.VI.13

Дорогой Борис Васильевич.

Почта за себя постояла и Твое письмо я получил вчера, за два дня до предполагавшегося моего отъезда, который теперь отложен до 12-го. Но в дальнейшем ничего от этого не изменится, так как Л. А. уже уехала к Аде Жуковской и я застану ее там и за границу мы выедем в то же время как было решено, только мое пребывание у Ж. сократится на 2 дня.

Пиши мне уже в Langenschwalbach, Villa Rhenana, 11, Rheinstrasse — там мы будем 20го.

Твое письмо я получил вчера удивительно кстати. Я был в нестерпимом состоянии духа — чувство жизни порою мне тягостно — и вдруг это Твое письмо с такими очаровательными наставлениями живо напомнило мне, как ровно 10 лет тому назад (подумай только, какие мы уже старые с Тобою!) Ты писал мне письма с петербургскими наставлениями. И эта наша старина очень приятно на меня повеяла. Знаешь, я день ото дня все больше чувствую потребность как то заново пожить тем, чем жил раньше, и вступить в некий возвратный период душевной жизни. Как это сделать я, конечно, не знаю. Но, повидавшись с Тобою, я может быть дойду.

А грустен я бываю потому, что, как и раньше, я очень жаден на людей, а они, избегая эксплуатации с моей стороны, убегают от меня. Прежде я бросался вдогонку и подчас догонял, а по теперешнему времени и ноги не так резвы и лень долит.

Но меньше, чем через 2 месяца, я обниму Тебя.

Спасибо Тебе, мой дорогой, за все! Передай Юнии Павловне мои сердечные приветы.

Тебе душевно преданный

Недоброво.

Ада Жуковская — Аделаида Казимировна, ур. Герцык (1870–1925). Поэтесса, жена Дмитрия Евгеньевича Жуковского, известного издателя. Умерла в Крыму, где жила после революции. О ней см. "Воспоминания" ее сестры, Евгении Герцык, изданные далеко не полностью в Париже (YMCA-Press, 1973), а также статью: Любовь Столица. "Поэтесса-Вешунья. Аделаида Герцык-Жуковская. + 14 июня ст. ст. 1925", газ. *Возрождение* (Париж), 1925, 21 сентября.

20

18.VI/1.VII. 13 Langenschwalbach, Villa Rhenana, 11 Rheinstrasse

Дорогой Борис Васильевич.

Только что успел приехать сюда, а уже обременяю Тебя просьбами, имеющими косвенное отношение к моему предполагаемому (и бесповоротно решенному) приезду в Париж. Узнай, пожалуйста, или, если Ты сам уже выехал из Парижа, то напиши кому нибудь из твоих друзей (а их ли у тебя нет?), чтобы они узнали о следующем. Открыта ли библиотека при Сорбонне (именно об этой, а не об Национальной библиотеке идет речь) в августе и сентябре, и если открыта, то на каких условиях (в котором часу открывается и закрывается, можно ли брать книги на дом и прочее) можно ею пользоваться. При этом прими в расчет, что это не я, а один мой знакомый молодой американец, читающий лекции в Филадельфийском Университете по византологии, собирается пользоваться библиотекой, что Ты и увидишь воочию. При этом в мои планы входит, чтобы твой ответ был благоприятен настолько, насколько только истина может это выдержать: чтобы библиотека была открыта и подольше, книги выдавались и прочее. Тогда все увидишь воочию.

Я рад очутиться в Швальбахе. Самый воздух его, по привычке к соединению его с водами и ваннами, действует на меня живительно и увеличивает аппетит.

Любовь Александровна тоже очень рада попасть сюда и шлет тебе приветы.

Будь мил: очень важно, чтобы ты ответил скоро.

Нсизмненный твой друг

Недоброво.

"Мой знакомый молодой американец" — американский византолог Thomas Whittemore (1871–1950), в дальнейшем профессор Филадельфийского университета и директор американского Византийского Института, автор большого труда о мозаиках собора св. Софии в Константинополе. Это о нем Недоброво писал в письме 11. Немного странно, что он называл его "молодым", будучи сам больше чем на десять лет моложе его. Уиттимор сыграл позднее большую роль в жизни молодого поколения русской эмиграции, учредив большое количество стипендий для русских студентов за рубежом, главным образом во Франции. Стипендии эти распределялись Комитетом помощи русскому юношеству за рубежом, возглавлявшимся М. М. Федоровым (1858–1949). В этом Комитете я одно время работал как заведующий бюро труда. О знакомстве Уиттимора с Недоброво я не имел тогда ни малейшего понятия, а Федоров, вероятно, ничего не знал о Недоброво. С самим Уиттимором мне не довелось встречаться.

16/29.VII.13 Langenschwalbach Villa Rhenana

Дорогой Борис Васильевич!

Время идет своим чередом и постепенно приближает меня к свиданию с Тобю, так как и до августа осталось всего 2 недели, а выеду я отсюда может быть и раньше. Дело в том, что Л. А. едва ли окончит свой курс к 1^{му} августа; мне же, освободившись числа 25го июля, имело смысл подождать и 5 дней, а теперь, когда выясняется, что она задержится числа до 7го, прямой расчет, чтобы я выехал в Париж пораньше один; таким образом не истечет и 2-х недель как мы с Тобю свидимся. Я не весть чего жду от этого свидания. Я соберу все изобразительные способности своего языка и поставлю им задачу рассказать Тебе, как моя душа совершенно сбилась с дорог и как ей выбрести, сама не знает. Позволь же мне верить в Твою дружескую руку, которая выведет меня. В промежутках беспомощного душевного блуждания я читаю Бедкера о Париже, чтобы, по крайности, не заблуждалась затем моя плоть и я не обременял Тебя двойным проводничеством.

По врожденному человеческой природе свинству, я не поблагодарил Тебя за быстро присланные сведения о библиотеках. Меня просили узнать только об августе (о сентябре я спросил по ошибке — это помни на всякий случай) и потому я передал сведения, касающиеся только августа. Увы, они, мною еще смягченные, имели отрицательное действие.

Как Твое путешествие в Лондон? Погода здесь все время такая дрянная, что заставляла интересоваться погодой всего мира, и я с грустью почитывал в Figaro, что дрянно и в Париже, в чем Тебе и соболезную. Теперь, впрочем, везде хорошо по милости Божией.

Любовь Александровна и я, мы очень рады, что увидимся и с Юнией Павловной, которую ото всего сердца приветствуем; также и Тебя.

Любящий Тебя

Недоброво.

<Париж, 6-IX-1913>

Дорогой Борис Васильевич.

Мы завтра поедем с американцами в Chantilly — поезд, отходящий с Nord в 2 ч. 30 мин. Если будет у тебя досуг, присоединись к нам. Общий тебе привет.

Любящий тебя

Недоброво

Это письмо без даты (дата дается по почтовому штемпелю) написано на гостиничной "пневматичке" (Hotel de Malte, Gass & Fils, Prop^{res}, 63, rue de Richelieu, PARIS) и адресовано: Mr. Boris von Anrep — 65 Bd Arago — Paris. На адресной стороне пневматички синим карандашом крупно проставлена цифра 101, но что значит эта цифра, мне неизвестно; может быть, это часть какой-то общей нумерации писем.

9/22. IX.13 St. Cloud

Дорогой Борис Васильевич!

Я очень был рад получить и твою открытку и твое сегодняшнее письмо. Я не хотел писать тебе, пока не перепису в книгу стихов — вчера я это дело завершил и извещаю тебя, что сегодня же посылаю тебе и книгу. Я не переписывал в нее вновь стихотворений исправленных, уже имеющих в книге, по двум соображениям. Мне казалось, во-первых, что этим как бы нарушилась жизненная цельность сборника, а, во-вторых, некоторые из этих стихотворений в их последней редакции будут у тебя в печатном виде — я не премину доставить тебе и книжку "Северных Записок" и оттиск из "Русской Мысли". Я очень рад, что у тебя сохранилось впечатление от моих чтений — и впечатление это заставляет тебя побуждать меня к писанию романа. Это, собственно, уже давно созревшее во мне решение и очень многое из этого романа мне уже известно — самое его сердце уже бьется, но длинен путь воплощения: еще не родились человеческие души, а, родившись, им ведь надобно вступить между собою в различные сочетания, сказать подходящие речи, обдумать внушаемые жизнью мысли, проявить себя выразительными действиями и т. д. Все это еще впереди.

Вчера, складывая свои бумаги, я перечел Торжество и 1ое действие Ириния, получив от этого чтения огромное удовольствие. Особенно Торжество было мне приятно. Я как сейчас помню, что я писал тебе летом 1904 года, когда ты мне прислал на Кавказ начало: я тогда отмечал прямизну твоего художественного пути, заставившего тебя воплощать последние слова наши. Эта твоя потребность в воплощении последних слов главное, может быть, отличие твоего творчества от моего, которое воплощает слова *предпоследние*, в то время как они уже утратили жизненное значение, "слова без последования". Потому в тебе больше стремления и веры, потому во мне больше различия и скорби.

За словарем я пойду сегодня же.

Может статься, что к тебе придут, подобно письму, что ты к нам переслал, деньги от Н.И. Лебедевой. Благоволи не пересылать их нам, а, задержав у себя, лишь известить о величине полученной суммы.

В Версали мы с Л.А. были; хотя, чего стоит самообразование зрительное по сравнению с тем самообразованием, которое душою получается непосредственно в деятельной дружбе.

Мне очень жалко, что у тебя насморк (это дьявольская болезнь) и что стекла побились. О выставке пиши и присылай побольше документов — у меня будут целее — "Ты, Моцарт, бог — и сам того не знаешь. Я знаю — я".

Л.А. будет сегодня сама писать Юнии Павловне.

Ты же будешь таким добрым, что всем твоим милым передашь сердечные мои приветствия — приветствия искреннего и верного твоего друга.

Любящий тебя

Недоброво.

"Торжество" — об этой своей вещи Анреп писал мне, что это была короткая драма из жизни гимназистов. Цитирую дальше его письмо: "Идея была — чествование любимого учителя (русской словесности). Романтически настроенный гимназист приготовил чувствительную речь, в сочинении которой принимали участие его друзья. Дело кончилось тем, что нахальный гимназист, настроенный против 'интеллигенции' класса, срывает успех 'Торжества', произнося горячий экспромт, и вызывает тем самым благодарность учителя и восторги шайки на задних скамьях. Вещь была довольно живо написана".

"Ириний" — об этой вещи Анреп в том же письме писал только: "Монах, драма недописанная, также не существует".

Н.И. Лебедева — Анреп не мог ничего о ней вспомнить.

18.IX.13 Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

Я едва не лопнул со стыда, когда вчерашний день получил сюда мою книгу со стихами из за неполноты адреса, в котором, по болезненной моей рассеянности, я пропустил слово 'Fairford'. Я спешу тебя уведомить об этом, так как, получив мое письмо с решительным заявлением о высылке книги и не получая затем самой книги, ты мог составить себе самое неблагоприятное мнение о весе моих слов. Книгу я без замедления вышлю.

В Петербург мы приехали третьего дня и понемногу (очень понемногу) восстановили дом из летнего разрушения, но уже участвуем, так сказать, в петербургской жизни. Видимся с некоторыми знакомыми (Скалдиным, Верховским и пр.) и еще больше разговариваем по телефону. Хожу на короткое время в Думу, где ремонт и все забаррикадировано.

В конце концов из Парижа я уехал с большим о нем сожалением и с желанием, а значит и с надеждою еще вернуться туда.

Платье Любви Александровны в замысле и в главных чертах исполнения вышло хорошим, но сшито оно плохо, у воротника дает неприятные складки. Исправить этого к сожалению как следует было невозможно, так как платье было готово с опозданием и поправлять его пришлось за глаза, что вышло не совсем удачно. Я Адриенной недовольна: она сделала ряд грубоватостей — задержала нас на 2 дня в Париже, на час опоздала на примерку и мы дураками ее ждали у швеи, взяла за платье 215 фр., на том основании, что сговариваясь с тобою совершенно забыла о жакете, а когда присланное платье с огромной морщиной под воротником было возвращено, для переделки, то на другой день, при доставке его, к счету было приписано 10 фр. за 2 поездки. Так что в первый раз она нам поездку девчонки прощала, но за то, что мы заметили складку, решила великодушные свое отменить. Мы, конечно, заплатили только 5 фр. Теперь мне смешно об этом вспоминать, но тогда это меня порядочно злило. Пишу все это для справки — на всякий случай, ибо надобно быть осведомленным о людях, как то любит Пуаре.

Пожалуйста, пиши мне побольше о выставке и о себе и прими наши самые лучшие приветствия и пожелания.

Любящий Тебя

Недоброво.

Юнии Павловне наш сердечный привет.

Скалдин, Алексей Дмитриевич (1885–1943) — поэт, находившийся одно время под влиянием Вячеслава Иванова. В 1912 г. выпустил книгу "Стихотворения (1911–1912)". Печатал стихи в "Аполлоне", а также в эгофутуристических изданиях. Ср. заметку о нем Л.Н. Черткова в КЛЭ.

Адриенна — Adrienne Ridou. Вот что написал мне о ней Анреп в ответ на мой запрос: "Маленькая, талантливая парижанка, которую встретил на улице мой большой приятель Pierre Roy, хороший художник *surréaliste*: le grand frère [описка — вместо *prêtre*? — Г.С.] du *surrealisme*. как его называли в Париже. Он сошелся с нею, и [они] долго жили вместе, прижили сына Denys Roy (офицер, шлопай и good for nothing). Adrienne была талантливой портнихой, работала как *première chez* Poiret, который до Первой мировой войны был известен во всем мире как сейчас Диор. Умерла от аппендицита во время Первой мировой войны. Жена Недоброво заказала ей платье, когда была в Париже, но была недовольна". Paul Poiret (1879–1943) — знаменитый законодатель мод в период между 1909 и 1914 гг.

29.X.13 Кавалергардская 20

Дорогой Борис Васильевич.

Так как давеча я держал корректуру "Души в маске", делал в ней мелкие поправки и дополнял ее переделанной последней главой, то образы повести невольно сплываются у меня с жизненными впечатлениями: твое письмо, в этом отношении, было особенно плодотворным. Выяснилось, во первых, что ты — "Душа в маске" не хуже мой Ольги; не случилось бы с тобой того же, что и с ней. Я не так только "умен" как Стрешнев и потому о многом не проболтаюсь, чтобы и ты не пожелал зарыться от меня в толпу. За то я совершенно не чувствую этого желания относительно тебя. Ты ведь тоже счел меня за маскированную душу и попытался заглянуть под маску. Что же, быть по твоему: и Петербург (по сравнению с Парижем), и Дума, и О. А., но и многое другое. Петербург — потому, главным образом, что нет тебя, Дума все таки отнимает время, О. А. — несчастлива и мила (она живет в Павловске, я съезжу к ней и мы много гуляем по парку; муж ее очень болен); но, главное — все то же и то же, чему нет имени (тоже маска какая то) и что сказывается всегдашней готовностью к грустному бездействию при очевидном сознании большой способности к деятельности. Я, по просту, нуждаюсь в непрестанных возбуждениях извне; хорошо поняв это, я стараюсь обставлять себя соответственно. Последнюю неделю я провел даже слишком деятельно — почти до переутомления. Неожиданно прислали мне корректуру "Души в маске", написал я статью о книге Волконского, приехал Лисенков и возгорелись дела "общества поэтов", восстанавливается деятельность "общества ревнителей", меня и туда и сюда зовут, того и этого от меня хотят и просят. Это действует на меня хорошо и, если бы оставляло еще и время, то, может статья, я и исписал бы стопу бумаги.

Источником существенных развлечений служит для меня Анна Ахматова, очень способная поэтесса, и отчасти барышня Рейнольдс, которая приехала таки в Петербург. Т. М. Девель я как то не встречаю: когда встречу, я постараюсь наблюсти то, что удовлетворило бы твоему любопытству; грубость же ее была просто проявлением новой в ней складки души и я, скорее всего, был ее предметом.

Пиши о выставке, о заказах, об издателе. Из за чего это вы? Право, когда я умру, не будет ли лучшей мне эпитафией: "он жил и умер в мире с Б. Анрепом"?

На этом мог бы я и закончить письмо, если бы не желание передать тебе, как была тронута Любовь Александровна проявленным к ней участием. Мы сердечно приветствуем тебя и твоих.

Любящий тебя Недоброво.

P.S. Присылай разных документов.

"Душа в маске" — см. примечание к письму 1.

Статья о книге С. Волконского — см.: Н. В. Недоброво. "Искусство выразительного телодвижения", *Русская Мысль*, 1913, ноябрь. (О книге "Выразительный человек", СПб., 1913). В 1915 г. в *Русской Мысли* была напечатана статья Недоброво "Культура речи" — о другой книге С. Волконского ("Выразительное слово", СПб., 1913).

"Из-за чего это вы?" — возможно, что речь идет о какой-то ссоре или размолвке между Анрепом и Роджером Фраем в связи с лондонской выставкой. Намек на это можно, пожалуй, видеть в том, что в издании писем Фрая в биографических сведениях об Анрепе в связи с выставкой 1912 года его роль в выставке ограничена написанием предисловия к каталогу картин русских художников на выставке.

16.XI.13

Дорогой Борис Васильевич.

Благодарю Тебя за Твою поэму, которую я рассматривал с большим интересом; другие читали ее с меньшим. Яви мне Божескую милость — прочти пожалуйста Ницше, потому что и в этой поэме, оказывается, есть чуть не дословные с ним совпадения. Я попрошу нашедших указать их точно и сообщу Тебе.

Завтра в "Обществе Поэтов" о появлении Твоей поэмы будет сделано сообщение.

Получил я также и экземпляры Poetry and Drama для пересылки Вячеславу и Вере Константиновне, но пока их не отправил. Ты выгодно отличил В. и В.К. от меня, написав им трогательные посвящения, но судьба всегда карает изменников. Фамилия В.К. — Шварсалон, а не Шварцалон. Если это Тебя не смущает, я вышлю книги в Москву, но уведомя тебя об этом.

Благодарю Тебя и за № Daily Mirror — сколько я ни поворачивал его и прямо и вверх ногами, я не нашел в нем ничего до Тебя относящегося. Впрочем, в Твоей бандероли оказался не весь номер, но отдельные его страницы. В недостающих страницах вероятно и заключается интерес, но либо их вырвала цензура (что бы это значило?), либо ты сам, отделив нужное от ненужного, по рассеянности перепутал то и другое и послал мне то, что следовало выбросить, и выбросил то, что следовало послать.

Слава Твоя все растет.

Я, за последнее время, чувствую себя как будто лучше, хотя и дорогою ценой. Я окружаю себя людьми, в обществе которых трачу время до такой степени щедро, что его вовсе на себя не остается. О.А., Ахматова, девица Рейнольдс, одна влюбленная в Л.А. очаровательная своею молодостью курсистка, целое "Общество Поэтов", возродившееся недавно "Общество Ревнителеев", в состав совета которого я на днях избран, все это мелькает передо мной, возбуждая мои чувства и давая мне передышки в том глубоком унынии, которое совершенно затопляло меня прежде.

На каком то верниссаже случилось мне встретиться с Т.М.Девель. На этот раз она была много ласковее, хотя, хотя — странно она изменилась, и неожиданно — откуда это взялось?

Как поживает Анастасия? Как ее мать?

Перeday пожалуйста наши сердечные приветствия Юнии Павловне, которой Л.А. собирается вскоре писать.

Целую Тебя, милый. Пиши мне.

Твой Недоброво.

"Прочти пожалуйста Ницше... и в этой поэме есть чуть не дословные с ним совпадения..." — это относится к "Предисловию к книге Анрепа".

Poetry and Drama : журнал, в котором была напечатана английская поэма Анрепа.

Вячеславу и Вере Константиновне — т. е. Вячеславу Иванову и его третьей жене, урожденной Шварсалон.

Daily Mirror — лондонская ежедневная, не очень высокого пошиба, газета.

"Одна влюбленная в Л.А. очаровательная своею молодостью курсистка" — Вера Алексеевна Знаменская (1895—1968). О ней и ее переписке с Н.В. и Л.А. Недоброво и позднейшем знакомстве с А.А. Ахматовой см. в третьем томе "Сочинений" Ахматовой. Я надеюсь в будущем напечатать письма Недоброво к Знаменской по полученным мною от нее ксерокопиям. О ее переписке с Анрепом и со мною см. в том же третьем томе Ахматовой.

25.XI.13

Дорогой Борис Васильевич! Твое бранчивое письмо очень меня обрадовало: что делать, но, по мере того как я здоровею (хоть и продолжаю худеть) и нравственно оживаю, я все более и более люблю иные не очень бережные слова и движения. Что за очарование твои рассказы об особом оттиске поэмы. Положительно: "упреки есть приветов слаще", как собираюсь я начать какое-нибудь стихотворение. Я за все благодарю тебя — и за будущий оттиск и за вырезки (их пока не получал) и за твою прекрасную картину, при чем, разумеется, нам придется ссориться из-за пошлости и пересылки, но я твердо верю, что поссоримся мы не на смерть. Больше же всего я благодарю тебя за теплоту твоих, ко мне обращенных, слов и за это несколько раз подтвержденное желание меня видеть. Мое желание видеть тебя все растет и потому, между прочим, что к весне я рассчитываю быть, нравственно, уже совсем не в том состоянии, в котором быть перед тобою в Париже мне, право, было иногда несколько совестно.

Я многие приму к тому меры. Между прочим на все зимние каникулы (с начала декабря по начало января) переедем на жительство в Павловск, где я буду писать стихи, поэмы и илиллины, а в промежутках буду ходить на лыжах, кататься с гор, бегать на коньках и гулять. Я надеюсь, что и на физическом моем здоровье такой месяц отразится исключительно благоприятным образом.

Я еще очень рад тем приятным вестям, что содержатся в твоём письме. Я думаю, что, при условии столь значительных расходов, материальный успех выставки должен быть признан совершенно удовлетворительным. Кстати, напиши мне о размере валовой выручки, чтобы, в случае необходимости, снобировать этим публику. Но, согласись, что это очаровательно, эта выписка газетных о тебе вырезок. О, сколь мало чутки мы к нашей славе — просто грубые животные — по сравнению с другими людьми, и особенно теми, кто осуждают избранные деятельности. Мы недавно были у родителей, где встретились, между прочим, и с Т. М. Д., но с ней как то не случилось поговорить. Третьего дня я видел П. М. и В. К. на концерте. При след<ующей> встрече я непременно попрошу вырезки.

А что же Daily Mirror? Ради чего ты посылал его?

Да! На каком-то верниссаже видели мы Тамару-Ханум с мужем. Он очень похож на Али бея, но только поумней, подурней и в бороде. Так как Тамара объявила, что в СПб была и Фатма, только накануне верниссажа уехавшая, то я, увидев в том, что, несмотря на мои просьбы в Париже, она явно не пожелала предоставить свою сестру мне*, обрадовался ей совсем не так сильно, как ожидал. Она, однако, была прелестно одета, очень быстра и остра на словах и так смеялась, что не восхититься ею было бы бездарно.

Та Зельманова, которую тебе рекомендовал в Лондоне Шварсалон и которая в отместку за неудачу в этой рекомендации вышла замуж за Чудовского, выставила в "Союзе молодежи" ряд картин: подражания иконам, а рядом голую женщину, извернувшуюся самым неподобающим образом, а тут же синий свой автопортрет, с весьма обтянутой грудью, отнюдь не освобожденной от "условной" красоты, но, напротив, наделенной красотой табачной рекламы.

Весь твой Недоброво.

Пиши неослабно. Мы ждем тебя с открытыми сердцами, открытыми шире объятий!

* В оригинале здесь явно пропущена часть фразы, а слово "представить" написано как "предоставить". — Г. С.

Т. М. Д. — Татьяна Модестовна Девель.

П. М. и В. К. — родители Анрепа.

Тамара-Ханум с мужем — одна из дочерей Датиева (см. примечание к письму 10), кото-

рого Анреп назвал мне первым осетином, окончившим Институт Путей Сообщения. Другую дочь звали Фатьма. Анреп писал о Датиевых: "Девочки и он были приятели семьи моей первой жены Юнии Павловны Хитрово, отец и брат которой тоже были инженеры путей сообщения. Тамара вышла замуж за нефтяного богача в Баку Ассадулаева, а Фатьма за гвардейского офицера (имени не помню). После революции Тамара разъезжала по Европе как *dame de compagnie* богатых американок, а Фатьма делала шляпки".

Зельманова Анна Михайловна — художница, первая жена В.А. Чудовского (с 1912 г.), по второму мужу — Белокопытина.

"...твои рассказы об особом оттиске поэмы..." — вероятно, речь идет о напечатанной в английском журнале поэме (см. примечания к письмам 2 и 23).

28

5.XII.13

Я не знаю, что нужно, чтобы быть счастливым. "Мы все блаженствуем равно, но все блаженствуем различно" — это предвидел еще Боратынский. Но это хорошо, милый, что ты знаешь для себя такой простой, такой здоровый и такой выгодный для всех способ достигнуть счастья, как твоя работа. Ты здоров — и значит есть у тебя жажда счастья; есть у тебя и силы. Значит, я спокоен за тебя и рад за себя.

Я своего состояния счастьем не назову. Но я отвлекаюсь, забываюсь и отдыхаю и чувствую, что во мне копящаяся сила. Когда их почувствую довольно, тогда я попробую решить вопрос по существу.

Послезавтра я уезжаю в Павловск, где мы пробудем дней 40 — столько же, сколько лили дожди в потопное время. Вступая таким образом под знамение воды, не напишу ли я слишком много и главное — не стану ли писать слишком обстоятельно? А писать вообще я решил. У меня будет два занятия — писание и спорты: лыжи, коньки, катания с гор. Я оборудываю себе всевозможные сапоги, бинты и прочее.

Жду я твоего приезда с огромным нетерпением — чем мне лучше, тем больше меня к тебе тянет. Я буду печатать еще порцию стихов и оба мои к тебе стихотворения вошли в нее; то, что получше, пойдет в "Русской Мысли", то, что попроще, в "Северных Записках". Ты не думай, что я забыл мое обещание послать тебе ненапечатанные стихи. Я жду оттиска "Души в маске", которая выйдет в декабрьской книжке, и тогда отправлю все вместе.

Твою поэму "with the mysterious title" мы отправили Вячеславу и Версе. Вячеслав в Москве процветает и в январе надет и к нам.

Целую тебя, милый.

Твой Недоброво.

"...твою поэму 'with the mysterious title'" — Анреп написал мне в 1961 г., что он не помнит, что это такое. Это еще раз показывает, что он начисто забыл свое "Предисловие к поэме Анрепа", хотя гораздо позже я обнаружил, что среди переданных им мне бумаг был печатный текст этой вещи (оттиск или просто отдельные страницы из журнала). В том же письме Анреп говорил, что, кроме "Физы", он, в минуту "депрессии", уничтожил все свои произведения.

27.IV.14

Дорогой Борис Васильевич!

Не знаю, дойдет ли до Тебя это письмо, так как адреса своего Ты к последнему письму, по свойственной Тебе гениальности, не приложил, и теперь может быть даже и Юния Павловна уехала с бульвара Араго.

Твое письмо последнее меня очень обрадовало — то, что Ты так признал Ахматову и принял ее в наше лоно, мне очень дорого; по личным прежде всего соображениям, а также и потому, что, значит, мы можем считать, что каждому делегирована власть раздавать венцы от имени обоих. Я всегда говорил ей, что у нее чрезвычайно много общего, в самой сути ее творческих приемов, с Тобюю и со мною, и мы нередко забавляемся тем, что обсуждаем мои старые, лет 10 тому назад писанные стихи, с той точки зрения, что, под Ахматову или нет, они сочинены.

Но просто красивой назвать ее нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок и генсборовский портрет маслом и икону темперой, а, пуще всего, поместить ее в самом значущем месте мозаики, изображающей мир поэзии. Осенью, приехав сюда, я думаю, ты не откажешься ни от одной из этих задач.

Если бы Твои письма не были так кратки! Если бы Ты подробно рассказывал о Твоих занятиях и площади тех поверхностей, которые тебе предстоит покрыть мозаиками, о том, какие именно части храма, какими иконографическими композициями и так далее. Главное же дело — на сколько времени у Тебя работы, когда Ты можешь приехать и куда? Лето мое все еще клубится в моих мечтах, причудливо изменяя свои формы. Как будет, что будет — не знаю.

Будонь — это, не правда ли, тот же Париж, часть его между porte d'Auteuil и pont de St. Cloud?

Лисенков вышел из своего маразма и недавно даже читал в Общ<ест>ве Постов доклад об "акмизме" — так называется изобретенное Гумилевым (мужем Ахматовой) поэтическое направление. Я сказал после доклада речь *пристойную обстоятельствам*.

До свидания, милый. Пиши больше.

Любящий тебя

Недоброво.

Статья твоя в "Аполлоне" — превосходна.

С *бульвара Араго* — на бульваре Араго, недалеко от Бельфорского льва, у Анрепа в Париже была студия. И позже, живя уже в Лондоне, он много работал в ней. Я у него там бывал после Второй мировой войны. Ликвидировал он ее только в 1965 году. Ликвидация эта по времени как раз совпала с приездом А.А. Ахматовой на Запад, и он не мог поэтому видиться с нею в Лондоне, но повидался в Париже. Об этом посещении ее он рассказал в "Записке", которую завещал мне опубликовать после ее смерти. Она печатается в третьем томе зарубежного издания сочинений Ахматовой.

Статья твоя в "Аполлоне" — речь идет почти наверное о статье "Беседы о живописной технике" ("Аполлон", 1914, № 1–2).

12.V.14

Это невероятно, как много на свете всяких потерянных людей. Прежде их было как будто меньше? Или по тайному закону возрастов именно в нашем возрасте приходится пересекать потоки таких людей? — И на меня они как то изо всех углов лезут. Я стал бдителен, так уж бдителен... Ты, я думаю, теперь тоже успокоился и со здоровым весельем относишься ко всему происшедшему. Я же — я же еще раз как то неразложимо ощутил, до чего Ты мил.

Твое предидущее письмо я, кроме французского словца, вслух прочел Ахматовой. Мы очень смеялись этому странному сочетанию большой проницательности, а тут же — безмерной какой то недогадливости. Во всяком случае она просит передать Тебе, что только восторги незнакомца и способны ее тронуть, так как восторгами добрых знакомых она переобременена сверх меры и никак не может разобраться, к чему собственно они относятся.

Через неделю нам предстоит трехмесячная, по меньшей мере, разлука. Очень это мне грустно.

Лето мое начнется в начале июня. Я вероятно полностью проведу его в Крыму: мне хочется не иметь никаких обязанностей, даже лечебных, не иметь новых впечатлений, а, отдыхая телом на старых местах, писать побольше для того, чтобы развлекать Ахматову в ее "Тверском уединении" присылкой ей идиллий, поэм и отрывков из романа под заглавием "Дух дышит, где хочет" и с эпиграфом:

И вот на памяти моей
Одной улыбкой светлой боле,
Одной звездой любви светлей.

В этом романе с поразительной ясностью будет изображено противозаконие духа и нравственностей человеческих. Сделано это будет с обыкновенным искусством. Мне, правда, очень хотелось бы, чтобы Ты написал мне о мозаиках с возможно большою подробностью. Но дождусь ли я этого от Тебя? По моему, на будущий год Тебе следовало бы показать свое искусство и в России. Что Ты об этом думаешь?

Любовь Александровна Тебе кланяется.

Весь Твой, милый.

Недоброво.

"...развлекать Ахматову в ее 'Тверском уединении'..." — слова "Тверское уединенье" взяты из стихотворения Ахматовой, напечатанного в "Четках" и помеченного: "1913. Июль. Слепнево". (Слепнево — имение семьи матери Гумилева, где Ахматова проводила иногда лето.) Стихотворение начинается строфой:

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.

А дальше мы читаем:

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь:

И вот я таю, я безвольна,
Но все сильней ссучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Вопрос о возможном адресате этого стихотворения вызвал споры (наличие конкретно адресата в данном случае, мне кажется, подтверждается тем, что во всех первых публикациях слова "вас", "вы" и т. д. печатались с прописной буквы, как принято в письмах, и только в позднейших собраниях — как советских, так и зарубежном — прописное "В" было заменено строчным). Долго считалось, что стихотворение обращено к Блоку (мало кого еще из своих современников могла Ахматова назвать "знаменитым"). Взгляд этот был более или менее отброшен после того, как Ахматова сама в передаче по телевидению в 1965 г. рассказала о своих отношениях с Блоком. Передача эта была позднее опубликована в журнале "Звезда" (1967, № 12, стр. 186–187), а также, в несколько более полном виде, в зарубежном издании Ахматовой (т. 2, стр. 191–194). В "Звезде" публикация передачи сопровождалась статьей Д. Е. Максимова (стр. 187–191). Покойный В. М. Жирмунский, один из лучших знатоков творчества и Блока и Ахматовой, в своей последней работе об Ахматовой (посмертно изданной, с предисловием Е. Г. Эткинда, книжке "Творчество Анны Ахматовой", Ленинград, 1973) так писал об этом: "Воспоминания Ахматовой о Блоке, по шутливому определению самого автора, в сущности написаны именно на эту тему: 'О том, как у меня не было романа с Блоком'" (стр. 54). В этой своей работе Жирмунский даже не цитировал стихотворение о "Тверском уединении", что делал раньше, говоря о Блоке и Ахматовой (напр., в статье "Анна Ахматова и Александр Блок" в журнале *Русская Литература*, 1970, № 3, стр. 57–82). В советском издании Ахматовой в 1976 г. в "Библиотеке поэта" (Большая серия), которое составлял Жирмунский (оно вышло после его смерти, но примечания были приговорены еще им), к этому стихотворению не дано никакого примечания.

Мало кому известно, однако, что гораздо раньше другая кандидатура в адресаты этого стихотворения, кандидатура Н. В. Недоброво, была выдвинута Ю. Л. Сазоновой, которая хорошо знала и Недоброво, и его жену, и Ахматову. Она сделала это в своих воспоминаниях о Недоброво, уже упоминавшихся мною ("Николай Владимирович Недоброво" в нью-йоркском "Новом Русском Слове", 26 мая 1954 г.). Она писала:

"Николай Владимирович Недоброво был другом и отчасти вдохновителем поэтов начала века. С Ахматовой его связывала тесная дружба. Нам представляется, что в стихах Ахматовой в 'Четках'

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы, —

она обращалась к Недоброво, а не к Блоку, как принято считать. Блок не был пленником прекрасных рук, и во всяком случае это не могло быть его отличительным признаком. О прекрасных руках жены Недоброво говорилось часто, и это как бы было ее особенностью. Руки же Ахматовой были невероятно гибкие, так что она, скрестив их, могла охватить себя всю, соединив ладони за спиной, но это ставилось ей почти в укор, как и другие ее гимнастические возможности. Н. В. Недоброво мог быть назван пленником, по своей обычной покорности жене, которую он полу-шутя называл 'императрицей'. Блок ничьим пленником в таком смысле не был. Эпитет "знаменитый", не примененный к мало печатавшемуся Недоброво, мог быть либо дружеским преувеличением, либо просто желанием направить критиков по ложному следу".

Этим последним соображением Сазонова объясняла и слова в одном стихотворении Недоброво, адресованном несомненно к Ахматовой: "Ты, для меня не спевшая ни зву-

ка". Мне атрибуция Сазоновой с самого начала показалась сомнительной. Гораздо позже я об этом писал мимоходом в статье "К проблеме атрибуции стихотворных посвящений" (в *Ricerche slavistiche*, vol. XVII–XIX, 1970–1972. *In memoriam G. Mayer*, pp. 507–514); но в этой статье речь шла главным образом об одном немного загадочном стихотворении самого Недоброво. Сомнительна атрибуция Сазоновой не столько даже из-за слова "знаменитый", даже если истолкование его Сазоновой не очень убедительно, сколько из-за того, что строки "Вы, приказавший мне: довольно, / Поди, убей свою любовь!" абсолютно невозможно представить себе обращенными к Недоброво не только в 1913 году (мы знаем, правда, о ненадежности датировки Ахматовой некоторых ее стихотворений), когда они впервые встретились, но и позже. У меня есть теперь другая гипотеза насчет адресата этого стихотворения, но я не буду ее здесь развивать: она может потребовать дополнительного исследования и будет заслуживать особой статьи.

"Дух дышит, где хочет" – об этом романе мне ничего больше неизвестно. Анреп писал мне, что он был, по-видимому, только начат.